

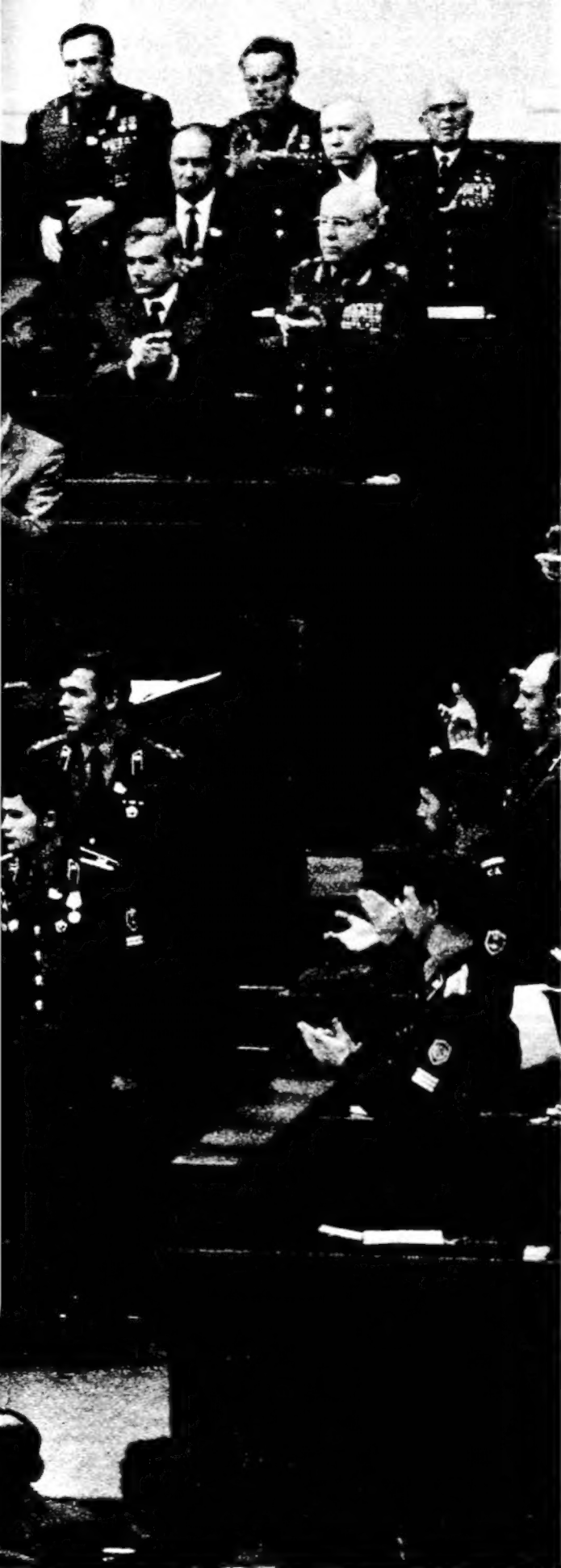
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 23 ИЮНЬ 1984

НЕПОКОЛЕБИМАЯ ВЕРНО

Во время вручения награды.

Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 23 (2968)

2 ИЮНЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

Когда речь идет о безопасности народов, внешняя политика, дипломатия могут сделать многое. Но не все. На мировой арене приходится иметь дело и с такими политическими силами, которым чужда добрая воля и которые глухи к доводам разума. И тут незаменимую роль играет сдерживающая мощь нашего оборонного потенциала. Ныне он является не только гарантом созидательного труда советского народа, но и гарантом всеобщего мира на земле.

К. У. ЧЕРНЕНКО

Наследники героических поколений — лучшие представители воинов 80-х годов — 28 мая собрались в Большом Кремлевском дворце на Всесоюзное совещание секретарей комсомольских организаций. Вместе с ними в зале старшие товарищи — ветераны Вооруженных Сил, ветераны комсомола, командиры и политработники.

11 часов утра. Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищи К. У. Черненко, Г. А. Алиева, В. И. Воронникова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Г. В. Романова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, В. М. Чебрикова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

Совещание открыл член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. Присутствующие встречают его бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Речь товарища К. У. Черненко была выслушана с огромным вниманием, неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами.

Товарищ К. У. Черненко сообщает о награждении армейского комсомола орденом Красного Знамени. Все вста-

ют. Под бурные, продолжительные аплодисменты он прикрепляет орден к знамени комсомольской организации Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Затем с докладом о повышении роли комсомольских организаций армии и флота в борьбе за высокую боевую готовность выступил Д. Ф. Устинов. Все мы находимся, сказал он, под неизгладимым впечатлением речи, с которой только что выступил перед нами Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко. Его яркое и содержательное выступление, вручение ордена Красного Знамени комсомольской организации Советской Армии и Военно-Морского Флота вызвали у всех нас законные чувства радости и гордости...

Воины-комсомольцы, весь личный состав армии и флота заверяют Центральный Комитет Коммунистической партии, Советское правительство, весь народ, что и впредь будут достойно выполнять воинский долг, зорко стоять на страже мирного, созидательного труда нашей великой Отчизны.

С докладом о дальнейшем улучшении работы комсомольских организаций по идейно-политическому, воинскому и нравственному воспитанию армейской и флотской молодежи выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев.

СТЬ ПАРТИИ И НАРОДУ

Во время встречи.

В ОБСТАНОВКЕ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

25 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко встретился с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сеном, возглавлявшим партийно-государственную делегацию КНДР.

Во время встречи были обсуждены вопросы дальнейшего развития отношений дружбы и сотрудничества между двумя партиями и государствами, а также некоторые международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Стороны высказались за расширение контактов между КПСС и ТПК на различных уровнях для обмена мнениями по актуальным вопросам социалистического строительства. Особое внимание было уделено вопросам укрепления безопасности на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана в связи с активизацией милитаристского курса США и их союзников в этом регионе, нарастанием реванистских тенденций в политике правящих кругов Японии.

Встреча К. У. Черненко и Ким Ир Сена проходила в теплой, дружественной обстановке.

25 мая в Кремле завершились переговоры между советскими руководителями и партийно-государственной делегацией КНДР во главе с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сеном. В переговорах участвовали:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, посол СССР в КНДР Н. М. Шубников;

с корейской стороны — Генеральный секретарь ЦК ТПК, Президент КНДР Ким Ир Сен, член Президиума Политбюро ЦК ТПК, министр народных вооруженных сил КНДР О Дин У, член Политбюро ЦК ТПК,

Премьер Административного совета КНДР Кан Сен Сан, член Политбюро ЦК ТПК, вице-президент КНДР Ли Ден Он, член Политбюро ЦК ТПК, заместитель Премьера Административного совета КНДР, министр иностранных дел КНДР Ким Ен Нам, кандидат в члены Политбюро ЦК ТПК, заместитель Премьера Административного совета КНДР Кон Дин Тхэ, кандидат в члены ЦК ТПК, посол КНДР в СССР Квон Хи Ген.

Советская и корейская стороны убеждены в том, что состоявшийся визит в Советский Союз партийно-государственной делегации КНДР и переговоры, проходившие в атмосфере дружбы и взаимопонимания, послужат дальнейшему развитию и укреплению братской дружбы и сотрудничества КПСС и ТПК, СССР и КНДР, отвечающих коренным интересам советского и корейского народов, всего мирового социализма.

25 мая партийно-государственная делегация Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи, Президентом КНДР Ким Ир Сеном, находившаяся в нашей стране с официальным дружественным визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, отбыла из Москвы.

Перед отъездом в Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, где были подняты государственные флаги КНДР и СССР, состоялась церемония проводов делегации.

С Ким Ир Сеном, членами делегации тепло попрощался Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

В церемонии приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, другие официальные лица.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева и В. Кошеного (ТАСС).

Около 60 лет назад великий французский писатель Ромен РОЛЛАН так писал об англосаксонском характере Америки:

«Он отличается странным, поражающим всех нас, европейцев, неумением понимать образ мыслей других рас, неумением вникать в их психологию и внутреннюю жизнь, почувствовать их душу, их страсти, их потребности, как свои собственные. Американец считает, будто бы все, что правильно, что хорошо для него, должно быть так же правильно и хорошо для всех других народов земного шара; а если народы с этим не согласны, то ошибаются, мол,

они, — Америка якобы имеет право навязывать им свое мнение, в интересах всего мира и в их собственных интересах. Подобные взгляды порождают стремление к завоеванию мира, прикрытое фальшивым морализированием, которое [быть может, бессознательно] восходит к алчному животному инстинкту власти над другими народами.

Это чрезвычайно опасно. Если уж Соединенные Штаты считают себя призванными воздействовать на мир, то тем больше они обязаны понимать подлинную сущность, подлинные потребности, подлинные идеалы других наро-

дов земного шара, ибо долг сильного помочь менее сильному самоопределиваться, а не угнетать его, вынуждая лгать собственной душе. Было бы катастрофой для всего человечества, если бы какая-либо одна раса, один народ, одно государство, как бы значительны они ни были, попытались навязать великолепному разнообразию вселенной прямолинейное и скучное однообразие своей собственной индивидуальности. Скажу больше, подобная катастрофа обратилась бы против того самого народа, который решился бы на такое безрассудное угнетение: непреодолимые силы подавляемой природы отомстили бы за себя».

ЛИВАН

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Атмосфера тревожного ожидания, пожалуй, самая характерная черта в жизни сегодняшнего Бейрута. Любое усиление вооруженных столкновений между боевыми формированиями национально-патриотическими силами и правохристианскими партиями Ливана на «зеленой линии», разделяющей Западный и Восточный Бейрут, вызывает немедленную реакцию бейрутцев.

В считанные мгновения пустеют улицы, с грохотом опускаются жалюзи магазинов, редкие автомобили, непрерывно сигналив, на бешеной скорости проносятся по обезлюдевшему городу. По приобретенному в последнее время опыту ливанцы знают, что обострение обстановки на «зеленой линии» приводит, как правило, к массированным артиллерийским и ракетным обстрелам жилых кварталов ливанской столицы.

В последнее время участились и случаи, когда снаряды, мины и ракеты обрушивались на город внезапно, неся смерть людям, оказавшимся на месте обстрела. Именно так произошло в субботу, 5 мая, когда набережная Рамлет аль-Бейда — излюбленное место отдыха горожан, заполненная в этот предвыходной день толпами народа, подверглась внезапному минометному обстрелу, распространившемуся затем на весь Западный Бейрут. 25 убитых и более 100 раненых — таков итог «черной субботы», как называли этот день ливанские журналисты.

«Мы находимся сейчас как бы на кратере тлеющего вулкана, который может разразиться страшным извержением, или потухнуть», — заметил по поводу событий, происходящих в стране, один из знакомых мне ливанцев. И это сравнение нельзя назвать сильно преувеличенным. Военно-политическая обстановка в Ливане после формирования национального единства, возглавляемого Рашидом Караме, не только не смягчилась, но скорее, наоборот, стала еще более напряженной. На первый взгляд это кажется странным и нелогичным. Сам факт сформирова-

ния правительства, в которое согласились войти представители враждующих ливанских группировок и которое получило название правительства национального единства, казалось бы, должен предполагать изменение ситуации в стране к лучшему, тем более что одной из основных задач нового кабинета министров Ливана было объявлено обеспечение в стране мира и безопасности.

Однако подобное положение может показаться странным только на первый взгляд. Если учесть, что правохристианские партии, входящие в «Ливанский фронт», были вынуждены принять участие в правительстве Р. Караме, но не отказались от своих прежних позиций в вопросе урегулирования ливанского кризиса, то становится ясным, почему продолжается кровопролитие в Бейруте. За столом заседаний нового ливанского правительства фактически продолжается борьба, длящаяся в Ливане с 1975 года, эхом которой и явля-

ются обстрелы жилых кварталов Бейрута.

Новое правительство — результат побед, одержанных национально-патриотическими силами Ливана в борьбе против попыток США и Израиля в союзе с ливанскими правыми силами навязать свой вариант решения ливанского кризиса. Разгром военных формирований партии Катаиб в горном районе Шуф осенью прошлого года, установление контроля над Западным Бейрутом в феврале этого года, затем вывод многонациональных сил из Ливана и отмена кабального ливано-израильского соглашения от 17 мая 1983 года — основные вехи побед ливанских патриотов, увенчавшихся в итоге созданием правительства национального единства.

Срок, прошедший со времени создания нового правительства, показал, что лидеры «Ливанского фронта» — по крайней мере на деле — не проявили желания вести серьезный диалог с целью

найти выход из длящегося уже десятый год ливанского кризиса, что предполагает в первую очередь установление мира в стране, освобождение оккупированного Израилем юга Ливана и проведение политических реформ, обеспечивающих равноправие всех религиозных общин страны.

Газета «Ан-Нида» писала в этой связи: «Стремление сохранить привилегии маронитской буржуазии и опора на Израиль продолжают оставаться определяющими в стратегии «Ливанского фронта» внутри нового правительства».

Трудности, с которыми сталкивается правительство Р. Караме, в немалой степени усугубляются действиями Израиля. Неоднократные заявления израильских официальных лиц о том, что правительство Р. Караме «долго не продержится», являются не только откровенным вмешательством во внутрививанские дела, но и, по сути дела, поощряют правые и реакционные группировки на противодействие всем попыткам сдвинуть проблему ливанского кризиса с мертвой точки. С другой стороны, усиление террора и репрессий против гражданского населения на оккупированных Израилем территориях, о чем, в частности, свидетельствуют варварские действия оккупантов в лагере палестинских беженцев Айн аль-Хильва, является открытой демонстрацией намерений Тель-Авива надолго остаться на захваченных им землях.

Непрекращающиеся попытки парализовать деятельность ливанского правительства, сорвать предпринимаемые усилия по выводу страны из состояния кризиса представляют серьезную угрозу будущему Ливана как единого независимого государства. Это хорошо осознают ливанские патриотические силы, прилагающие немалые усилия, чтобы обеспечить условия для успешной деятельности правительства Р. Караме. В беседе с советскими журналистами член Политбюро ЛКП Сааделла Мазрани отметил: «Соотношение политических сил в Ливане в настоящее время в пользу национальных и патриотических сил. И мы должны всемерно использовать это обстоятельство, чтобы правительство смогло добиться мира в стране, освобождения захваченных Израилем территорий и проведения необходимых реформ, являющихся основой для создания будущего демократического Ливана».

И. ДАНИЛИЧЕВ.
Собкор АПН —
специально для «Огонька»

Бейрут в эти дни.

Телефото ЮПИ — ТАСС

МЕЖДУНАРОДНОЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

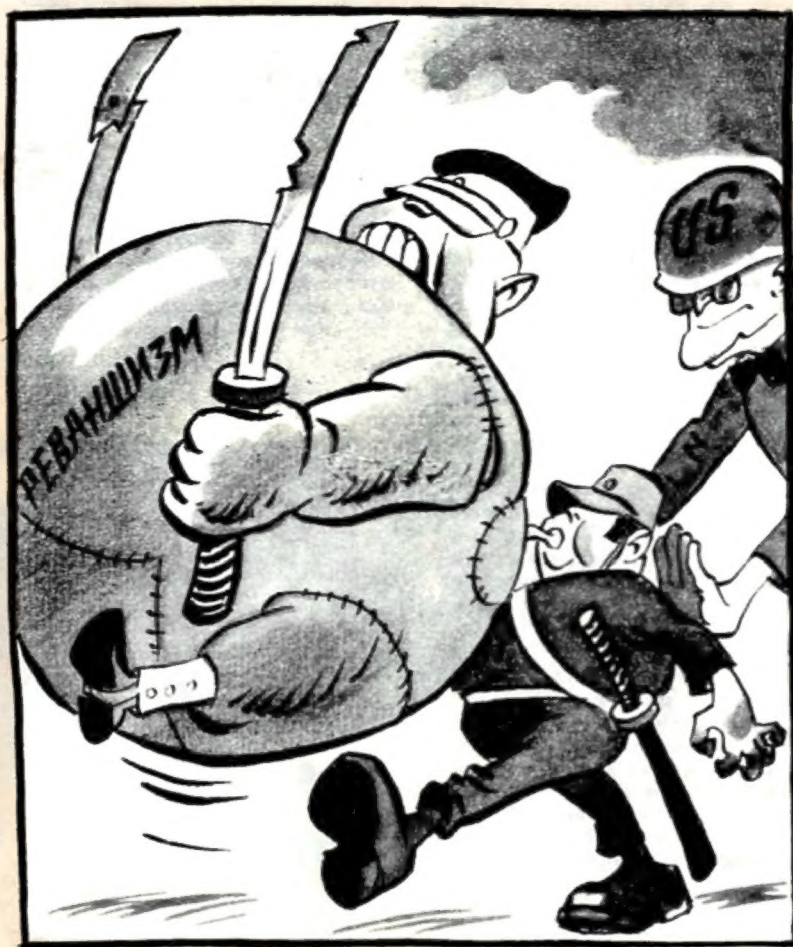
ОБОЗРЕНИЕ

На пьедестале, если разобраться,
Сей мистер восседает неспроста:
Побив рекорды низких провокаций,
Он занял все высокие места.

Бор. Е.-84

Становятся пираты все наглей —
В залив Персидский мчатся торопливо.
Из-за чужих заморских кораблей
Уже не видно самого залива.

К призывам мирным реваншисты глухи,
Гром барабанов радует их слух.
Вояки в агрессивном прежнем духе
Вновь раздувают «самурайский дух».

Американские истребители - бомбардировщики с воём вспарывают серые облака над Федеративной Республикой Германии. Недавно, когда мы были в здании западногерманского бундестага, оконные стекла постоянно вздрагивали от воздушной волны, вызванной проносящимися недалеко боевыми самолетами.

По автострадам страны катятся колонны американских военных машины, везущих авиационное топливо, бронетранспортеры и танки на платформах, везут боевые отравляющие вещества, ядерные ракеты «Першинг-2». Это все приметы превращения ФРГ в американский военный лагерь.

— Если бы ядерные заряды, размещенные в нашей стране, вдруг взорвались, — сказал нам житель города Швабиш-Гмюнд, — то от всех нас ничего бы не осталось...

— Естественно, — ответили мы. — Но ведь некоторые рассчитывают на то, что вся эта смертоносная мерзость полетит на головы советских людей!

— Да, но каждый немец прекрасно понимает, что едва эти ракеты успеют взлететь, как последует уничтожающий ответный удар... Перефразируя библейское изречение, можно сказать, что поднявший в воздух ракету от ракеты и погибнет!

Этот разговор происходил на окраине Швабиш-Гмюнда рядом с американской ракетно-ядерной базой Мутланген. Теперь весь мир знает, что ракетная батарея в Мутлангене не только смонтирована, но уже находится в состоянии боевой готовности. Идет сборка новых ракет и в других районах страны.

Во франкфуртском районе Хаузен кто-то написал на дорожном указателе: «Першинг-Хаузен», то есть поселение «Першингов». Здесь часто проходят антиракетные демонстрации, митинги протеста, пикетирование американской базы. Именно в этой части Франкфурта полиция не раз преграждала демонстрантам дорогу струями холодной воды и гранатами со слезоточивым газом.

Недавно по ФРГ прокатилась новая волна антиракетного движения под лозунгами: «Першинг цай = вельтриг драй» [Першинги II — мировая война III], «Рабочие места вместо американских ракет», «Нацизм не пройдет!». Люди помнят, что 30 января 1933 года к власти в Германии пришел Гитлер и Европа была ввергнута в пламя истребительной войны.

Участники демонстраций во Франкфурте говорили, что они не верят в американские сказки о мифической агрессивности Советского Союза. На исторической площади Рёмерберг, где проходил массовый митинг, звучала песня «Хотят ли русские войны...» на немецком языке.

— Не хочу, чтобы мои дети сгорели во вспышке ядерного взрыва, поэтому я буду протестовать против ядерной угрозы, пока из ФРГ не уберут американские ракеты, — сказал перед нашей телекамерой молодой немецкий рабочий.

— Не понимаю, — возмущался старый рабочий-металлист, — почему такой важный вопрос, как размещение новых американских

Антиракетная демонстрация.

ФРГ: ПЕРШИНГИ II = МИРОВАЯ ВОЙНА III

«Першинги» — на свалку! — требуют авторы этих макетов.

ракет, был решен незначительным большинством голосов в бундестаге. Ведь подавляющее большинство народа против — и в Бонне это прекрасно знают!

Когда мы приехали в Кельн, на площади у Старой Ратуши собралось около трех тысяч человек. Совсем молодые люди, семьи с детьми, старики, бывшие узники нацистских концентрационных лагерей пришли сюда, чтобы протестовать против превращения Западной Германии в американский ядерный плацдарм.

Пламя множества факелов освещало площадь, отражаясь в горящих решимостью глазах людей. Участники митинга говорили, что демонстрации протеста начались одновременно во всех крупных городах страны. Движение народа против американской ядерной угрозы, нависшей над всем миром, не может быть прекращено до полной его победы. От этого зависит жизнь нашего и будущих поколений. Когда же, если не сегодня, и кто, если не мы, должны стать на пути милитаризма, ведущего к гибели всего живого на Земле...

Владимир КОВНАТ,
корреспондент
Советского телевидения.
Фото автора

Франкфурт — Кельн.

ПУШКИН И МЫ

**Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик,
председатель Пушкинской комиссии АН СССР**

Выдающийся советский ученый в области литературоведения, истории, русской и мировой культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев беседует с читателями журнала о Пушкине и современности.

Exegi monumentum.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

А. С. Пушкин

Общеобразовательная школа, в которой мы учились в первые годы после революции, показалась бы чрезвычайно странной молодежи восьмидесятых годов. Ни единого комплекса учебных предметов, ни общей для всех школ системы оценок успеваемости, ни твердо установленных часов занятий. Словом, течение учебного процесса было во многом результатом вдохновения наших учителей-энтузиастов. И, наверное, потому, что читали они нам курсы предметов, в которые были сами влюблены, воспринимали мы такое «странное» учение с восторгом, запоминали навсегда.

Дорогой наш учитель литературы Леонид Владимирович Георг в одном из старших классов весь учебный год проходил с нами одного только Пушкина. Тот год стал для нас не только университетом познания великой русской литературы, но годом восприятия высших нравственных категорий, годом воспитания души.

И все это — Пушкин. Его стихи, его проза, его драматические произведения, его эпистолярное наследие, исторические и критические его работы...

В связи с этим вспоминается мне одно недавнее высокое собрание, на котором шел жаркий спор с некой «ученой» дамой от архитектуры, ратующей за порубку деревьев в Пушкине. На мои слова о том, что Пушкин — Царское Село — город Пушкина неразрывны и наш долг — беречь пушкинские парки как самые драгоценные реликвии, она запальчиво воскликнула: «Ах, надоели вы мне со своим Пушкиным!»

Подобных людей накажет время, как оно наказывало уже многих самодовольных снобов. Говоря так, я без всякой мистики имею в виду, что со временем всем становится ясно, кто есть кто.

Надо помнить всегда, что Пушкин — наше величайшее национальное достояние, что он всегда с нами, что он высший критерий для наших душ, нашей нравственности.

Это не статья, не очерк, не речь «по случаю». Редакция попросила меня побеседовать с читателями о Пушкине, и вот я высказываю свое мнение. Быть может, даже и не совсем связно.

Хотелось бы поговорить о «моде на Пушкина». Не так давно один журналист в беседе со мной говорил о том, что не только сочинения Пушкина, но и любая литературоведческая или искусствоведческая книга на пушкинскую тему мгновенно раскупается, едва успевая дойти до прилавка, что любое подобное издание молниеносно становится библиографической редкостью.

Мой собеседник сетовал на то, что часто и труды пушкинистов и сочинения самого Александра Сергеевича оказываются всего лишь украшением интерьера квартиры счастливого приобретателя.

Думаю, сердиться на таких «библиофилов» не следует, моду порицать не надо. Если проанализировать тенденцию, картина не столь уж безотраднa. Было время, и не так давно, когда и Пушкин, а также любой классик русской и зарубежной литературы свободно приобретались в книжном магазине. Книголюбы составляли элитарное меньшинство. Нынче «книжный бум». Книголюбов, книголюбее прибавилось в общем-то не так уж много. Но любителям украшать квартиру книгами несть числа. Плохо это? Думаю, хорошо. Потому что, если продолжить линию рассуждений в будущее — может быть, не в такое уж далекое, — уверен, все больше «украшателей», или их детей, или внуков станут открывать книги, перелистывать страницы, читать, приобретать. Духовное развитие — процесс медленный, не в пример медленнее стремительных темпов НТР.

Но в чем же причина нашей веры в то, что тема «Пушкин и мы» бессмертна, в то, что процесс расширения знания Пушкина, углубления любви к нему безграничен?

В том, что Пушкин — это лучшее, что есть в каждом из нас. Это доброта и талант, смелость и простота, демократичность и жизнелюбие, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и к людям труда... И еще мы нежно любим и постоянно оплакиваем Пушкина потому, что он погиб за свои убеждения, за честь, за любовь. Погиб в бою, с оружием в руках.

Говоря про честь, я в первую очередь имею в виду бой за честь поэта, ибо не может ни уважать себя, ни жить, ни быть уважаемым и любимым читателями поэт с замаранной честью. Этот закон в полной мере действует и сегодня. Не будут ни уважать, ни любить поэта, как бы хорошо он ни писал, если он марает свою честь корыстолюбием, низкопоклонством или иными бесчестными качествами.

Я думаю о Бородине, о героях 1812 года. Современники Пушкина, многие из них — его близкие друзья. И в то же время никому из нас не придет на ум считать Багратиона и Кутузова, Раевского и Ермолова, Дениса Давыдова и Надежду Дурову своими современниками. Они наша славная, величавая, героическая, прекрасная история.

А Пушкин — нет! Он наш, сегодняшней, современный. Это не столько можно объяснить, сколько понять душой, всем существом своим. Однако хочу попытаться выразить, высказать это словами. Вся короткая жизнь Пушкина нам известна с детства не только по школьному курсу, по биографическим книгам — главным образом по его собственным произведениям.

Думаю, что тайна безмерного обаяния Пушкина в том, что он в каждое мгновение жизни, в каждой ее песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл. И потому он не просто любил жизнь во всех ее проявлениях, жизнь была для него величайшим таинством, величайшим действием. И потому он был велик во всем: и в своих надеждах, и в своих заблуждениях, и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, в любви к Родине, к ее истории, к будущему.

Даже самые закоренелые циники, самые отъявленные мещане и обыватели, самые легкомысленные вертопрахи ближе или глубже в душе своей сознают — или всегда, или со временем — свою ничтожность.

А все простые хорошие люди на планете или знают, или догадываются, или смутно ощущают, что жизнь вокруг нас и в каждом из нас есть величайшая тайна, требующая серьезного, глубокого отношения, полной отдачи, и что жизнь за это дарит нам ощущение счастья, гармонии, полноты существования. В конечном счете это и есть идеал каждого из нас. И в Пушкине этот идеал был воплощен в полной мере. Потому он и есть наш идеал, вечно живой, вечно с нами. Николай Васильевич Гоголь, поклонник, ученик, друг Пушкина, сказал о нем, пожалуй, самые точные слова: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Это философская сторона вопроса. А бытовое ее воплощение оказывает на нас, людей восьмидесятых годов XX века, не меньшее, если не большее воздействие.

Мы уважаем труд, знаем цену труду, ценим людей по их труду. Пушкин был первым профессиональным литератором России, он жил своим трудом, боролся против произвола издателей, добивался достойной оплаты за труд поэтов, писателей, драматургов.

Он был верным другом и добрым товарищем.

Он не боялся царей и презирал карьеристов-вельмож.

Он был другом декабристов, их учеником и их учителем.

Он был нежным, заботливым мужем, заботился о чести и покое жены до последней минуты жизни.

Наконец, он был просто здоровым, нормальным, веселым, смелым и сильным человеком.

И все эти простые, земные, общечеловеческие превосходные качества никогда не будут забыты, всегда будут залогом его бессмертия в наших сердцах.

Много пишут о Пушкине — величайшем поэте, гении. Но народ любит гениев простых в своем величии и великих в своей простоте. И потому я подчеркиваю здесь именно простые, общечеловеческие черты в образе Пушкина.

Размышляя о Пушкине, люди невольно сравнивают себя с ним. А сделал ли бы и я так? А поступил бы так же? А что я думаю об этом?

Это очень полезные размышления и очень важные. Они способствуют пробуждению в наших душах и умах самых лучших, самых высоконравственных мыслей и устремлений.

В конечном счете это и есть самовоспитание добром и красотой человеческой души.

В Михайловское ежегодно ездит до миллиона экскурсантов. Конечно же, среди них еще очень большое число людей едет потому, что едут «все». Михайловское, пушкинские праздники, как и пушкиноведческие издания, тоже «модны». Пусть! Процесс духовного совершенствования хотя и длителен, но необратим.

Недавно на одном собрании я услышал выступление доктора медицинских наук Ирины Измайловны Лехнической. Ее слова, сформулированные в стройную концепцию, явились логическим продолжением моих работ и главным образом содержания книги «Поэзия садов».

В наше время проводится «озеленение» городов. Это определение неточное, а порой просто неправильное. Надо думать и говорить о зеленом строительстве. Что это значит?

Есть в Москве в пределах Бульварного кольца в буквальном смысле Пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов в арбатских и кропоткинских переулках, ведущая нас к другому зеленому массиву в центре столицы — к парку имени Горького.

Что же это такое — «Пушкинский парк»? Прежде всего это будущее, недалекое будущее, которое мы должны построить для того, чтобы получить своеобразное Михайловское в Москве.

Уже не раз в этой беседе я говорил о ритмах и нагрузках нашей эпохи — эпохи НТР. Это — закономерное явление в жизни человечества, но при одном обязательном условии. При условии действенных эмоциональных и интеллектуальных разгрузок. Человеку в наше время как никогда важно периодически, не от случая к случаю, переключаться на тишину, на природу и на высокие размышления. Это не доброе пожелание, это объективная необходимость, условие, при котором мы сумеем создать нравственное здоровье, активное, психически устойчивое общество коммунистического будущего.

Образ сада, эдема, образ места уединения от суеты жизни всегда, во все времена был желанным. Сейчас такой сад жизненно необходим, его надо смело вводить в самые сердцевинные части современных городов, особенно современных сверхгородов.

Такой парк, непременно имеющий длительные пешеходные маршруты (обязательно для прогулок, а не садик для сидения на скамейках!), будет способен выманить людей из квартир, чтобы они сменили бездумное, бездуховное «расслабление» у телевизора на зеленую тишину, прогулки, размышления. (Думаю, читатель согласится со мной — очень велик еще процент именно таких телепередач: бездуховных, бездумных.)

Для создания «Пушкинского парка» практически надо совсем немного: ни сносить жилые кварталы, ни перепланировать проспекты, ни вести сложные строительные работы.

Создание парка я вижу в выполнении нескольких принципов.

Первый — тщательные работы садоводов-специалистов над превращением бульваров Тверского, Суворовского, Гоголевского в романтические парки (романтический парк не литературный образ, а точный термин).

Второй — создание непрерывного «зеленого» пешеходного маршрута от памятника Пушкину до пушкинского музея на Кропоткинской улице.

Третий — переулки Арбата должны быть «зоной зелени и тишины» «Пушкинского парка». После уничтожения старых, малоценных построек здесь осталось много пустырей. Следует их тщательно засадить деревьями и кустарниками, составляющими фрагменты большого парка. Переулки должны стать, безусловно, пешеходными.

И, наконец, четвертый принцип организации «Пушкинского парка» заключается в том, что все работники культуры и в первую очередь сотрудники Государственного музея А. С. Пушкина должны принять участие в создании парка, сделав все памятные места (ведь здесь не только пушкинские — здесь и дом Гоголя, и дом Аксаковых, и дом Герцена, и дом Блока) органическими, необходимыми составными частями этой огромной зоны духовной тишины. Все, о чем я говорю, в конце концов и не ново. Ведь были в свое время старые парки, в которых такими «опорами духа» были античные статуи, фонтаны, гроты, искусственные руины. В нашем обществе свободных людей, свободного духа иные символы, иные святыни. И потому я убежден, что «Пушкинский парк» будет. Дело только за тем, чтобы идея созрела в душах...

Будущее живет в делах и планах сегодняшнего дня. Скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту и себе, детям и внукам, потомкам нашим, будет «Пушкинский парк» в столице.

Из разысканий о Пушкине

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

1. ТРЕТИЙ ЛИЦЕЙСКИЙ РИСУНОК

Более сорока выдающихся русских и советских писателей были превосходными рисовальщиками. Но самым лучшим и самым блистательным из них на этом поприще был Пушкин. Он достиг высокого мастерства в своих рисунках. К тому же они отличались от подобного рода писательских увлечений одному ему свойственным очарованием. Когда любишь графику Пушкина, приходишь к убеждению, что его гениальности не могло не быть подвластно и мастерство рисовальщика.

Замечательные рисунки поэта являются органической частью его творчества, и при всем величии литературных произведений, созданных им, наше представление о Пушкине утратило бы какие-то свои грани, если бы оставалась неизвестной его графика. Вот почему теперь нам невозможно даже вообразить отсутствие рисунков в рукописях великого автора стихотворений и поэм, рассказов и повестей, сказок и пьес, критических статей и исторических сочинений.

Ко всему этому нужно прибавить, что в пушкинских рисунках отражено так много из его жизни, что подчас они являются как бы стра-

ничками дневника. Об этом свидетельствуют сотни и сотни листов творческих рукописей, заполненных изображениями тех, о ком он вспоминал и думал, кем мысленно любовался и о встречах с которыми мечтал. В пушкинских рукописях запечатлен облик множества его друзей из мира литературного и театрального, близких знакомых, а также тех, к кому он относился с иронией или явным презрением. А сколько характерного в каждом из таких набросков! Что же касается количества автопортретов и автоиллюстраций к произведениям Пушкина, то их, по-видимому, около восьмидесяти.

Дошедшие до нас рисунки поэта относятся к разным периодам его жизни. И лишь от времени пребывания в Лицее, где он много и часто занимался рисованием, до нас дошло всего лишь два и к тому же весьма невыразительных рисунка. Только о них и говорится в книгах и статьях, посвященных графике Пушкина. Между тем уже в давние годы в литературе появились авторитетные сведения о содержании некоторых весьма любопытных по замыслу рисунков Пушкина, исполненных им в ту пору, когда он был лицеистом. Приведу два таких свидетельства.

Они принадлежат исследователю В. П. Гаевскому (1826—1888), которому известен пушкинист П. В. Анненков писал: «Вы самый удачный искатель кладов, каково я знаю». За границей Гаевский встречался с А. Н. Герценом, переписывался с ним, вместе с художником Александром Ивановым они ходили осматривать выставки произведений изобразительного искусства. В своей статье «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения», напечатанной сто двадцать лет назад, в 1863 году, в некрасовском «Современнике», Гаевский, рассказывая об истории создания стихотворения «Фавн и пастушка», сообщил: «...н стихотворению Пушкина приложены были картинки, сообразно с которыми главы назывались: I. Пастушка. II. Пещера. III. Фавн. IV. Река. V. Чудо. VI. Фил. VII. Очередь. VIII. Философ». В настоящее время отсутствуют какие-либо данные о том, существует ли автограф этого стихотворения и приложенные к нему автоиллюстрации.

А вот что говорит тот же исследователь о торжествах, проходивших в связи с завершением Отечественной войны 1812 года, и о происхождении одного замечательного лицейского рисунка Пушкина: «На одном из таких торжеств, происходивших в Павловске 27 июля 1814 г., в числе зрителей были и лицеисты. Праздник этот, для которого была устроена зала, известная под названием «Розового павильона», описан в «Русском инвалиде» 1814 г. (№ 63). Далее автор пишет: «...приведем несколько строк из личных воспоминаний по этому случаю барона М. А. Корфа (речь идет о лицейском сокурснике Пушкина): «Сперва был балет на лугу перед павильоном, где декорации образовались из живой зелени, а задняя стена представляла окрестности Парижа и Монмартр с его ветряными мельницами, работы известного декоратора Гонзага. Потом был бал в новоустроенной зале, убранной снизу доверху розовыми гирляндами, произведением воспитанниц Смольного монастыря... Нас, скромных зрителей, привели, разумеется, пешком из Царского Села, чтобы полюбоваться этими диковинками. На балет мы смотрели из сада; на бал — с окружающей залу галереи. Потом повели нас обратно пешком же, без чаю, без яблочка, без стакана воды».

Гаевский продолжает: «Пушкина особенно занимали устроенные между дворцом и павильоном Триумфальные ворота, на которых как будто в насмешку над их малым размером были написаны два стиха Буниной:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят!

...Пушкин по этому поводу набросал пером рисунок, изображавший замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: лица, составлявшие шествие, видят, приближаясь к воротам, что они действительно «не вместят» государя, который притом еще пополнил в Париже, и некоторые из санты бросаются рубить их. Остроумный рисунок, представлявший несколько портретов, скоро распространился и был подарен Пушкиным Е. А. Карамзиной¹. Автора невинной шутки долго искали, но, разумеется, не нашли».

Можно заметить, что некоторый элемент иронического отношения Пушкина-лицейца к императору и его придворным проявился уже в упомянутом рисунке.

Вспомним также, что написал Пушкин об Александре I в десятой (сожженной) главе «Евгения Онегина»:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славою,
Над нами царствовал тогда.

Каким бы украшением графики молодого Пушкина был бы тот лист, о котором сообщают Корф и Гаевский!

Во Всесоюзном музее Пушкина в Ленинграде хранится конверт со

Лицейский рисунок Пушкина.
Хранится в коллекции С. М. Лифаря (Париж).

¹ Екатерина Андреевна Карамзина — жена знаменитого историка, к которой молодой Пушкин относился с чувством глубокого почитания.

следующей надписью: «Рисунки воспитанников Лицея 1-го курса, подаренные ими в знак памяти Анне Андреевне Самборской, которая всегда радушно принимала их всех и не раз угощала их на даче Александровка...» То была сестра жены В. Ф. Малиновского, первого директора Лицея, к которому все воспитанники курса, в том числе и Пушкин, относились с любовью. Можно не сомневаться, что в конверте с рисунками, которые были подарены Самборской, были и рисунки юноши Пушкина.

Но ни один из тех рисунков до нашего времени не сохранился, а память о них запечатлена всего лишь в надписи на уцелевшем конверте.

Теперь же к тем двум лицейским рисункам Пушкина, которые давно известны в литературе, в Париже отыскался третий, который по качеству во многом превосходит те два.

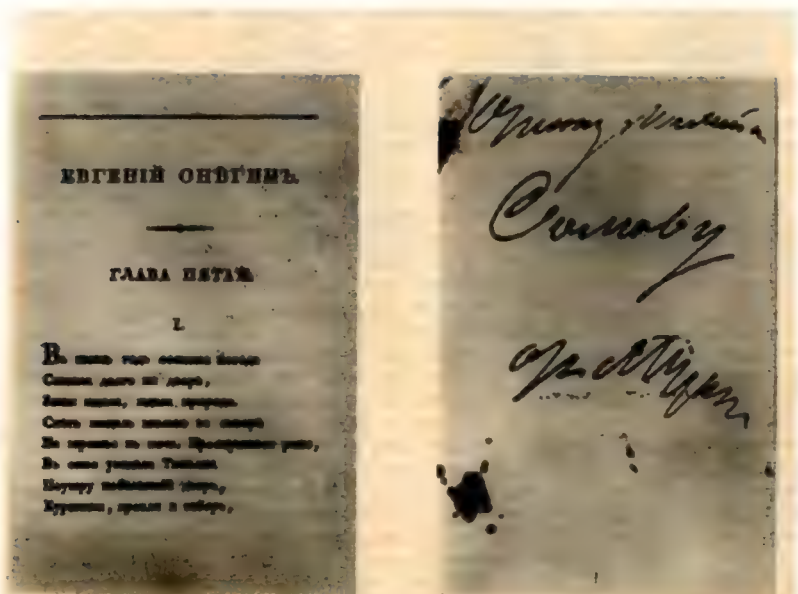
Устраивая в 1937 году в Париже юбилейную выставку, посвященную Пушкину, Сергей Михайлович Лифарь нашел в личных коллекциях во Франции множество превосходных экспонатов, в том числе лицейский рисунок великого писателя. Тогда же в количестве пятидесяти экземпляров С. М. Лифарь выпустил на французском языке каталог «Столетие Пушкина. 1837—1937. Выставка Пушкин и его эпоха». Тот лицейский рисунок был обнаружен в коллекции известного парижского антиквара А. А. Попова (о нем я кратко упоминал в своей статье «Встреча с Тарасом Шевченко», опубликованной в текущем году в №№ 11, 12 журнала «Огонек»). В указанном каталоге рисунок был напечатан, но ни один из наших исследователей графики Пушкина не воспроизвел его ни разу. Рисунок даже подписан, причем о подлинности свидетельствует такая деталь: фамилия «Пушкин» дана без твердого знака, так же, как на давно известных двух рисунках лицейского периода.

Впервые в нашей Пушкиниане этот парижский рисунок здесь воспроизводится. По-видимому, Пушкин запечатлел на нем то, чему был свидетелем: полицейский держит метлу и со злым выражением лица отчитывает опешившего дворянина с лопатой в руках, который от страха стоит на согнутых ногах. Рисунок этот замечателен тем, что дает более ясное представление о том, какой была лицейская графика Пушкина.

Наши лучшие художники, а также писатели, уделявшие время для создания собственных рисунков, отдавали должное Пушкину-рисовальщику. Так, дважды выступал по этому поводу в 1937 году в Париже и Лондоне первоклассный художник содружества «Мир искусства» М. В. Добужинский и даже напечатал тогда восторженную статью, которую озаглавил «Рисунок Пушкина». А в статье «Рисунки писателей», появившейся в 1938 году, А. М. Ремизов утверждал: «Из всех рисунков писателей я больше всего люблю рисунки Пушкина. Как бы мне хотелось посмотреть на его движущиеся чудеса из сна Татьяны! А полюбили мне рисунки Пушкина за их непосредственность. Ведь только непосредственность — ненамеренность передает мгновения в беспрепятственном».

II. ПОДАРОК ПОЭТА

Книгам с дарственными надписями выдающихся литераторов присуща особая прелесть. И потому, что каждую из них держал в своих руках автор, а также тот, кому была подарена. И сами надписи свидетельствуют порой о характере отношений дарителя с тем лицом, которому надпись обращена. Вот почему многие из такого рода книг представляют особый интерес, являясь по своей уникальности особым видом книжных редкостей.

Экземпляр IV и V глав «Евгения Онегина» с дарственной надписью Пушкина Оресту Сомову.

Подарен С. М. Лифарем «Музею книги» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Но произведения А. С. Пушкина, вышедшие отдельными изданиями при его жизни и подаренные им, следует считать редчайшими не только потому, что он самый чудесный наш поэт, а говоря словами А. М. Горького, «величайший поэт Европы XIX столетия», но и потому,

что из числа 33 его прижизненных книг удалось отыскать в нашей стране в результате продолжительных поисков всего лишь 21 книгу с его дарственными надписями. До сих пор не выявлена ни одна из тех книг, что Пушкин дарил своим друзьям — В. А. Жуковскому, А. А. Дельвигу, И. И. Пущину, П. А. Вяземскому, В. К. Кюхельбекеру, П. В. Нащокину, Виельгорскому, С. А. Соболевскому, Н. С. Всеволожскому. Нет ни одной книги Пушкина из числа безусловно подаренных тем, с кем был связан по своей литературной работе, — М. П. Погодину, В. Ф. Одоевскому и многим другим. Все такие, несомненно, существовавшие экземпляры книжных подарков Пушкина, по всем данным, погибли за истекшие почти полтора века.

Во время моих поездок во Францию мне удалось отыскать там три книги Пушкина с его дарственными надписями. О двух из них — первом издании «Полтавы» 1829 года, подаренном И. И. Дмитриеву, а также первом издании «Бориса Годунова» 1831 года, подаренном Е. А. Баратынскому, — я писал в своей статье «Сначала о Пушкине» («Огонек» № 47, 1966), первой из серии статей, напечатанных в этом журнале под общим заголовком «Парижские находки».

Я знал, что во Франции находится еще одна книга с дарственной надписью Пушкина, которая входит в состав коллекции реликвий русской культуры, собранной С. М. Лифарем. То свое издание Пушкин подарил беллетристу, критику, переводчику и журналисту Оресту Михайловичу Сомову (1793—1833), принимавшему, в частности, деятельное участие в создании «Литературной газеты», основанной А. А. Дельвигом, а также в подготовке лучшего из многочисленных альманахов пушкинской поры — «Северные цветы». А. А. Дельвиг основал этот альманах в 1825 году и с того времени при деятельной помощи Сомова ежегодно до своей кончины, в 1831 году, выпускал это замечательное издание. А «Северные цветы» на 1832 год подготовил Пушкин вместе с Сомовым. Весь доход от этого выпуска был передан семье покойного Дельвига. О том, что их объединяла общая любовь к этому альманаху, свидетельствуют строки письма С. М. Дельвига, жены поэта, ему отправленного приятельнице в феврале 1830 года: «Сомов и Пушкин — наши завсегдатаи — они приходят ежедневно, т. к. это главные сотрудники моего мужа».

В третий свой приезд во Францию я рассказал С. М. Лифарю, что в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина создается «Музей книги». Но в лучшей библиотеке нашей страны нет издания с автографом Пушкина, и подлинным украшением «Музея книги» было бы прижизненное издание великого поэта с его автографом. По моей просьбе Сергей Михайлович подарил эту книгу нашей библиотеке. Тем самым прибавился еще один автограф Пушкина в нашей стране. Это вышедшее отдельным изданием в 1828 году четвертая и пятая главы «Евгения Онегина» с дарственной надписью:

Оресту Михайловичу
Сомову
от А. Пушкина.

Следует отметить, что отдельно выпущенные главы «Евгения Онегина» поэт нередко дарил своим друзьям. Так, до нашего времени дошли: первая глава — с надписью П. А. Осиповой; вторая глава — с надписью А. И. Тургеневу; надпись Е. Н. Вульфа на четвертой-пятой главах; А. Д. Илличевскому — на первых шести главах.

В заключение следует отметить, что исследованию отношений Пушкина и Сомова посвящены четыре статьи, лучшая из которых, написанная З. В. Кириллоком, напечатана в 1962 году в Вестнике Киевского университета № 5. Серия филологии и журналистики. 2-й выпуск.

III. МИНИМЫЙ РИСУНОК ПУШКИНА

Бесконечен мир подделок. Вот почему так обильна исследовательская литература, посвященная разоблачению фальшивок, обнаруженных в различных областях изобразительного искусства, — об этом коварном эле на многих языках существуют десятки книг и сотни статей.

Общезвестно, что рост популярности знаменитого художника всегда порождает целые толпы любителей легкой наживы за счет его имени; что славе мастера — а тем более славе мирового масштаба — постоянно сопутствует усиленная фабрикация подделок и фальшивок, которые выдаются за подлинные его творения.

Так, например, в письмах И. Е. Репина с начала 90-х годов прошлого века встречаются десятки гневных замечаний по поводу подделок «под Репина»: их для подтверждения подлинности в изобилии доставляли художнику не только доморожденные коллекционеры, но и редакции различных периодических изданий. Вот что писал Репин Т. Л. Толстой 14 декабря 1892 года: «Из журнала «Артист» меня стали одолевать подделками моих подписей под ответительными акварелями... И вот редакторы художественных изданий! Ответительнейшей гадости они просят удостоверить мое авторство и разрешить их воспроизвести в своем журнале!!! А видно, что делает все это один и тот же мазурик кисти на шероховатой бумаге с гуммиарабиком и нахальством».

15 октября 1908 года в письме к одному из тогдашних собирателей Репин высказывает такую же жалобу: «Не знаю, как мне избавиться от подделок под мои работы!! Вчера в Петербурге итальянец Тренти¹ показал мне «Дуэль» (представлены фантастические казаки, дерущиеся на шашках), подписанную (прескверно) моим именем. Акварель наклеена с бесшабашной размахистостью и даже нельзя сказать — бездарно! Но это страшно неприятно и сколько этого добра!!»

Поразительно то количество разнообразных подделок, снабженных именем великого русского художника, которыми наводнена Америка и Западная Европа. В качестве подлинных картин, портретов, этюдов, рисунков Репина там имеют широкое хождение наряду с прямыми подделками и копии с его работ, и произведения других русских художников, снабженные фальшивой подписью, и — в неслыханном количестве — полотна иностранцев. Многочисленность подделок под произведения

¹ Владелец магазина художественных принадлежностей в Петербурге.

Репина, находящихся за рубежом, объясняется просто: и там Репин — если не считать «леванов» начала нашего века — самый популярный из всех мастеров русского изобразительного искусства. Сведения, которыми мы располагаем о псевдорепинских произведениях, обретающихся за границей, имеют, правда, случайный характер; тем не менее точные данные, имеющиеся в моем распоряжении, могут служить наглядным свидетельством того, как широко распространены там подделки под Репина: оказывается, их можно встретить в США и Швеции, в Индии и Швейцарии, в Польше и Финляндии, в Западной Германии и Чехословакии, во Франции и Норвегии (подробно об этом мне довелось рассказать в статье «Мнимый Репин за рубежом» в пятом номере журнала «Искусство» за 1953 год).

Если из всех прославленных мастеров русской школы живописи больше всего подделывали И. Е. Репина, то из всех великих отечественных писателей, естественно, множество раз выдавалось за автографы А. С. Пушкина нечто такое, что отнюдь не оказывалось его подлинной рукописью; выдавались за пушкинские рисунки, им не исполненные. А что касается неверно атрибутированных или фальшивых портретов Пушкина, то их также было немало.

Обо всем этом существует ряд статей, написанных авторитетными исследователями, а также книжка, принадлежащая перу литературоведа П. А. Ефремова. Она называется «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях», а была она выпущена в Петербурге в 1903 году в количестве 25 экземпляров.

Поразительно, сколько уже к тому времени было выявлено псевдопушкинских портретов. Как сообщает с присущей ему доскональностью Ефремов, до того дошло, что наглейший фальсификатор изготовил портрет Пушкина, будто бы рисованный Лермонтовым. Вот описание и разоблачение этой фальшивки, которые даны в работе Ефремова: «Пушкин в рост, писан гуашью, с головой, вопреки всем портретам суживающейся кверху, и с волосами, похожими на овчину, а не на волосы. Внизу подпись «М. Лермонтов», но сделанная черта в черту с факсимиле подписи Лермонтова под портретом в глазуновском издании его сочинений. Лермонтов только раз видел Пушкина мимоходом, а тут оказывается,

свой рассказ о мною обнаруженном за рубежом псевдопушкинском рисунке. Но думалось, что необходимо иметь хотя бы некоторое представление о том, какою широчайшим размахом приобрело изготовление подделок не только в области искусства, но и в области литературы, а также какими несуразными бывают ошибочные атрибуции.

В мире существует множество магазинов, специализирующихся по продаже автографов замечательных представителей литературы и искусства, науки и техники, а также автографов прославленных деятелей политических и государственных. Большая часть этих фирм систематически выпускает каталоги своих новых приобретений, а также каталоги ранее собиравшихся коллекций, в данное время по различным причинам предназначенных для распродажи.

Самая значительная из таких фирм, носящая имя ее основателя И. А. Штаргардта, была основана в 1830 году в Берлине. Для деятельности этого магазина характерен такой факт: судя по каталогу № 191, выпущенному в 1893 году, в то время там продавались 1748 автографов писем Гете, адресованных Шарлотте фон Штейн.

В дальнейшем магазин обособился в старинном городе Марбурге. К настоящему времени выпущено около 620 каталогов, некоторые из которых весят около килограмма и содержат описания 1200—1300 автографов, распродажа которых происходит часто на аукционах.

Во время моих пребываний во Франции я получил возможность, в частности в парижской Национальной библиотеке, ознакомиться с некоторыми из каталогов. Меня, естественно, интересовали имеющиеся в них сведения об автографах видных деятелей нашей страны. И в большинстве просмотренных каталогов «Штаргардта» оказались творческие рукописи и письма, да к тому же отнюдь не в малых количествах, от Пушкина и Гоголя до Герцена и Тургенева, от Достоевского и Льва Толстого до Чехова и Горького, от Глинки и Бородина до Чайковского и Римского-Корсакова, от Крамского и Верещагина до Айвазовского и Бакста. Причем о наличии таких автографов в нашей исследовательской литературе никаких сведений не было, и, естественно, их содержание, за единичными исключениями, становится известным впервые. В каждом из каталогов приводятся воспроизведения лишь тех из обозначенных в них редкостей, которые эксперты «Штаргардта» считают самыми достопримечательными. Об их подлинности можно судить по репродукциям. Так, я запомнил появившееся в одном из каталогов воспроизведение фрагмента рукописи «Капитанской дочки». Но очень озадачило меня, когда в другом каталоге увидел репродукцию карандашного рисунка, под которым в качестве автора было обозначено «Puschkin». Что же касается краткой аннотации к этому рисунку, то в ней верны лишь даты жизни великого поэта, который, кстати сказать, именуется графом, изображившим на том листе двоих французских аббатов, а сзади них многочисленных чертей. Но ведь стоит лишь взглянуть на воспроизведение, чтобы убедиться в том, что ни малейшего отношения к Пушкину рисунок не имеет. Просто-напросто некий мазурик карандаша, если перефразировать репинское определение фальсификатора, состряпал эту наглую подделку и ввел в заблуждение экспертов «Штаргардта», а те, вероятно, продали ее на аукционе какому-то несведущему коллекционеру в качестве подлинного рисунка Пушкина.

В заключение следует сказать о том, что сейчас за рубежом появляются всяческие подделки или в лучшем случае старинные копии произведений Пушкина, которые там считаются его автографами. Вот пример. В недавние годы мне прислали из Канады фотографии рукописи оды «Вольность», приобретенной в антикварном магазине в качестве подлинника. Но это был лишь список давних лет; написанная в 1817 году, ода ходила в списках долгие десятилетия, а впервые опубликованная в 1856 году в герценовской «Полярной звезде», на родине великого поэта она была обнародована полностью лишь в 1905 году.

Нет сомнений, что за рубежом, кроме уже известных и описанных в исследовательской литературе автографов Пушкина, находятся и такие, к тому же весьма значительные, которые до сих пор остаются невыявленными. Можно даже назвать некоторые из числа тех, что в далекие годы были вывезены за границу. Я имею, в частности, в виду так называемую «Капнистовскую тетрадь», которую считают одним из наиболее крупных и важных автографов Пушкина, недоступных в настоящее время исследованию. Об этом писал Б. В. Томашевский в нашем пушкинском томе «Литературного наследства», вышедшем в 1934 году. О самой тетради известно, что, хотя оттуда когда-то и кто-то вырезал несколько листов, все же в ней уцелело 19 листов, с обеих сторон исписанных рукою Пушкина. Что же касается судьбы этой замечательной реликвии, то сведения по данному поводу весьма ограничены. Ее владелец, граф Капнист, подолгу живший за границей, там и умер в конце прошлого века. Его наследники на родину не вернулись, след тетради утратился, и до сих пор ничего о ней не известно. Что же касается тех листов, что давным-давно были из нее вырезаны, то один из них оказался в Копенгагене в коллекции автографов, собранных известным датским сказочником Хансом Кристианом Андерсеном. Отыскать, если она сохранилась, «Капнистовскую тетрадь» и остальные вырезанные отсюда листы, — весьма благое дело. Безусловно, возможны находки и других, еще не выявленных за рубежом автографов Пушкина, ведь, по словам одного из персонажей Михаила Булгакова, «рукописи не горят».

Но не надо забывать, что и до сих пор изготавливается, а также издавна обретается немало фальшивок, которые продаются в качестве пушкинских подлинников.

Редакция журнала «Огонек» благодарит Государственный музей А. С. Пушкина (Москва), Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград), Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина, Главную редакционную коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям (Тбилиси), Дом литературных взаимосвязей (Тбилиси) за помощь в подготовке пушкинских материалов этого номера.

Nr. 109 Puschkin

Мнимый рисунок Пушкина.

Напечатан в каталоге антикварной фирмы «Штаргардт» («Stargardt»)

что снял с него даже портрет: в плаще по оригиналу Кипренского, но с несхожим лицом».

Грубейшей подделкой оказался портрет великого поэта, исполненный масляными красками и подписанный крупными и четкими буквами «К. Брюллов». Впервые этот портрет экспонировался на московской пушкинской выставке 1880 года и был воспроизведен в альбоме этой выставки, появившемся в 1882 году. Н. О. Лернер в своей статье «Лже-Брюлловский портрет Пушкина» («Русская старина», 1911 г., № 12, стр. 657—667) доказал, что это было сфабриковано на основе портретов Пушкина, исполненных О. А. Кипренским и Н. И. Уткиным.

В литературе, посвященной иконографии Пушкина, можно натолкнуться на такую малограмотную несурязицу. Весьма несведущий искусствовед, впервые в жизни ознакомившись с давно известной картиной 1830-х годов, изображающей пятерых мужчин, твердо решил, что один из них не кто иной, как Пушкин. К тому же счел нужным незамедлительно оповестить об этом в печати. Так появилась статья И. Ерофеева «Новое змалювання О. С. Пушкина», опубликованная в 1927 году в № 2—3 издания «Бюллетень. Музей Слобідської України імені Г. С. Сковороди». Здесь же воспроизведена картина Е. Ф. Крендовского (1810 г. — умер после 1853 г.), на которой изображена небольшая комната с пятью мужчинами. Так вот в одном из них И. Ерофеев «узнал» Пушкина! Но ведь данная картина до этого не раз воспроизводилась, к тому же в точности известно, что на ней запечатлены художники Григорий и Никанор Чернецовы, литератор и историк Павел Свинин, в молодые годы учившийся в Академии художеств, бывший лицеист II (следующего после пушкинского) курса рисовальщик Валериан Лангер, живописец и гравер Андрей Сажожинов. А Ерофеев пришел к выводу, что сделал открытие, хотя в действительности принял Лангера за Пушкина, а Никанора Чернецова за Александра Бестужева. К тому же, не зная, что эта картина имеет авторское название «Семь часов вечера», И. Ерофеев именует ее — ни больше ни меньше — «Пушкин на Украине»!!! Но ведь нет сомнения, что в своей картине Крендовский запечатлел одну из комнат, в которой проживали те, кто тогда обучался в Петербургской Академии художеств.

Вот чем оказалась в действительности «Новое змалювання О. С. Пушкина», вот какую несусветную галиматью нагородил И. Ерофеев в своем наивном ошибочном сочинении, вот чем завершилось его незадачливое «открытие». Все это должным образом раскритиковал А. И. Лященко в своей статье «Мнимый портрет Пушкина», напечатанной в 1930 году в «Докладах Академии наук СССР».

Что же касается бесосновательно и даже умышленно приписывавших перу Пушкина поэтических и беллетристических произведений других авторов, а также злонамеренных подделок автографов его творческих созданий, то их количество исчисляется многими и многими десятками.

Прошу извинить, дорогой читатель, что предварил этим вступлением

СОЛНЦЕ НАШЕЙ ПОЭЗИИ

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПУШКИНЕ В ДОКУМЕНТАХ, ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф [Карамзин] именует и Пушкиных».

ПУШКИН.

«Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скаурцова, у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр, крещен июня 8 дня. Восприимник граф Артемий Иванович Воронцов, кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Запись о рождении Пушкина.

«Пушкины постоянно жили в Москве, но на лето уезжали в деревню Захарьино [Захарово] верстах в сорока от Москвы... [принадлежавшую бабушке Пушкина Мар. Ал. Ганинбал]. Здесь Пушкин проводил свое первое детство, до 1811 года. Старый дом, где они жили, срыт; уцелел флигель. Местоположение хорошее... Особенно замечать следует, что деревня была богатая: в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления».

С. П. ШЕВЫРЕВ.

«Знавшие дела семьи единогласно свидетельствуют, что когда, в 1811 году, пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в Лицей, он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, если исключить дружескую горесть по сестре, которую он всегда любил».

П. В. АННЕНКОВ.

«При торжественном открытии Лицея находился [А. И.] Тургенев... Вычитывая воспитанников... между прочим, назвал он одного двенадцатилетнего мальчика, племянника Василия Львовича, маленького Пушкина, который, по словам его, всех удивлял остроумием и живостью».

Ф. Ф. ВИНГЕЛЬ.

«Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил... лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живою необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос

мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

ПУШКИН.

«...Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе вызвал его раз Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его наконец: «Что ж вышло? Чему равняется икс?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю!» «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи...». Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Кунцины, и то совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профессоров (печатных руководств тогда еще не существовало), у него и в обычае не было: все делалось à livre ouvert [с листа]».

И. И. ПУЩИН.

«В свободное время он любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями. От Карамзина Пушкин забегал в кружок лейб-гусарских офицеров и возвращался к лицейским друзьям с запасом новых впечатлений».

Л. С. ПУШКИН.

«Товарищам всегда казалось, что Пушкин по развитию как будто старше всех их».

Я. И. Грот со слов Ф. Ф. МАТЮШКИНА (лицейского товарища Пушкина).

«Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу...»

ПУШКИН.

«На выпуск же молодого Пушкина смотрели члены «Арзамаса», как на счастливого для них происшествие, как на торжество... Особенно же Жуковский... назался счастьем, как будто бы сам бог послал ему такое чудо. Чудо показало мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно было смотреть, как все старшие братья напереперы баловали маленького брата».

Ф. Ф. ВИНГЕЛЬ.

«Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. В дыме столетий! Это выражение — город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надо было нам посадить его в желтый дождь: не то этот бешеный сорванец нас всех заест, как отцов наших».

Знаешь ли, что и Державин испугался бы дыма столетий? о прочих и говорить нечего!»

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. Тургеневу, из Варшавы, 25 апреля 1818 г.

«Рассказывают, что Батюшков судорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал «Послание к Ю-ву» [Юрьеву] («Поклонник ветреных Лаис...» 1818 г.) и проговорил: «О! как стал писать этот злодей!»

П. В. АННЕНКОВ.

«...Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, езды верхом и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником у известного фехтовального учителя Вальвилля».

П. В. АННЕНКОВ.

«Пушкин почти кончил свою поэму. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепенится. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям».

А. И. ТУРГЕНЕВ — Вяземскому, 25 февраля 1820 г.

«Пушкин... числился в Иностранной коллегии, не занимаясь службой. Сие кипучее существо, в самые кипучие годы жизни, можно сказать, окунулось в ее наслаждение... Он был уже славный муж по зрелости своего таланта и вместе милый, остроумный мальчик, не столько по летам, как по образу жизни и поступкам своим. Он умел быть совершенно молод в молодости, т. е. постоянно весел и беспечен...»

Ф. Ф. ВИНГЕЛЬ.

«Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что, за исключением двух первых годов его жизни в свете, никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин. Он сам несколько позднее с упреком говорил о современных ему литераторах: «Мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются».

П. В. АННЕНКОВ.

«...В одно прекрасное утро пригласил его полицмейстер и графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицмейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумагу, я здесь же все вам напишу». Милорадович, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque!» [это по-рыцарски], и пожал ему руку. Пушкин сел и написал все контрабандные свои стихи...»

И. И. ПУЩИН.

«Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аранчьева и было рассматриваемо в Государственном совете, как говорят».

Я. И. САБУРОВ

«Нечаянно узнав о строгом наказании, грозившем поэту, Чаадаев, поздним вечером, прискакал к Н. М. Карамзину, немного удивил его своим приездом в такой необыкновенный час, принудил историографа оставить свою работу и убедил, не теряя времени, заступиться за Пушкина у императора Александра».

Д. Н. СВЕРБЕЕВ.

Воспоминания о Чаадаеве.

«Пушкина простили, позволили ему ехать в Крым. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее: по крайней мере дал мне слово на два года».

Н. М. КАРАМЗИН — И. И. Дмитриву, 7 июля 1820 г.

«Хоть он и не принадлежал к заговору, который приятели тайли от него, но он жил и раскалялся в этой глупей и вулканической атмосфере. Все мы более или менее дышали и волновались этим воздухом».

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ.

«Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником. Но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, рассказывают, хорошо. Написал кучу прелестей: денег у него ни гроша... Он, рассказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты».

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. Вяземскому, 30 мая 1822 г.

«...Я прочел ему [Туманскому] отрывки из «Бахчисарайского фонтана» (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру».

ПУШКИН — брату Льву, 25 авг. 1823 г. из Одессы

«Пушкин носил тяжелую железную палку. Дядя спросил у него однажды: «Для чего это носишь ты такую тяжелую дубину?» Пушкин отвечал: «Для того, чтоб рука была тверже: если придется стреляться, чтоб не дрогнула».

М. Н. ЛОНГИНОВ

«Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск. На прогоны к месту назначения, по

числу верст 1621, на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.». ОДЕССКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК в донесении новороссийскому генерал-губернатору от 29 июля 1824 г.

«Пушкин прибыл 9 августа прямо к отцу своему, статскому советнику Сергею Львовичу, проживавшему в Опочечном уезде, в сельце Михайловском. <...> В августе 1824 г., в присутствии псковского губернатора, коллежский секретарь Александр Пушкин дал подписку в том, что он обязуется жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благоприлично, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных нигде».

«Псковские губернские ведомости».

«О моем житье-бытье ничего тебе не скажу — скучно, вот и все... Сегодня кончил я поэму «Цыгане». Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил...»

ПУШКИН — П. А. Вяземскому, 8 или 10 октября 1824 г.

«Знаешь мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознамеряюсь тем недостаткам проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

ПУШКИН — брату Льву, первая половина ноября 1824 г.

«Трагедия моя [Борис Годунов] кончена, я перечел ее вслух, один, и был в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!».

ПУШКИН — П. А. Вяземскому, ок. 7 ноября 1825 г.

«...Не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я шесть лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — друзей художества за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а? Прости, душа, скучно мочи нет».

ПУШКИН — П. А. Плетневу, январь 1826 г.

«Послан был нарочный сперва к псковскому губернатору с приказом отпустить Пушкина. С письмом губернатора этот нарочный приехал и Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. Ему слышавают о приезде фельдъегеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки и некоторые стихотворные песни...»

П. В. НАШОКИНА

«Всего покрытого грязью, меня звели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» — «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем...» — «Довольно ты подумался, — возразил император, — надеюсь, теперь будешь рассудителем, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором».

ПУШКИН в передаче А. Г. Хомутовой.

«Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре, после возвращения из ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале дворянского собрания, когда вошел в нее А. П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою».

ЕЛ. Н. КИСЕЛЕВА (УШАКОВА).

«В 27-м году, когда он пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу, Никите, он сказал ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести».

И. Д. ЯКУШКИН.

«Сходство (тропининского) портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина, — столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, — вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие».

Н. А. ПОЛЕВОЯ.

«С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей... куда он приехал из своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему не доставало. Он как будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском... Он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей. Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели».

А. П. КЕРН. Воспоминания.

«Во исполнение высочайше утвержденного положения Государственного Совета [по делу об отрывке из «Андрея Шеня», известный стихотворец Пушкин обязан подпискою в том, чтоб он впредь никаких сочинений без рассмотрения и пропуска оных цензурою не выпускал в публику. Между тем учрежден за ним секретный со стороны полиции надзор».

П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (петербургский военный генерал-губернатор) — гр. П. А. Толстому (главнокомандующему в столице), 28 августа 1828 г.

«Утешительно в постепенном развитии поэта замечать беспрестанное усовершенствование; но еще утешительнее видеть сильное влияние, которое поэт имеет на своих соотечественников. Немногим, избранным судьбою, досталось в удел еще при жизни наслаждаться их любовью. Пушкин принадлежит к их числу...»

И. В. КИРЕЕВСКИЙ. «Нечто о характере поэзии Пушкина». 1828 г.

«Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина» и страдают мною ребят как буквою, а я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривен роберт, и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока...».

ПУШКИН — А. А. Дельвигу, 26 ноября 1828 г., из Малинников.

«...Пушкин, после бурных годов своей молодости, был страстно влюблен в московскую красавицу Гончарову, которая действительно могла служить идеалом греческой правильной красоты...».

А. Н. МУРАВЬЕВ.

«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее только что начинали замечать в обществе. Я ее любил, голова у меня закружилась; я просил ее руки. Ответ ваш, при всей его неопределенности, едва не свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию. Спросите, — зачем? Клянусь, сам не умею сказать; но тоска произвольная гнала меня из Москвы: я бы не мог в ней вынести присутствия вашего и ее».

ПУШКИН Нат. Ив. Гончаровой (матери будущей его жены), 5 апреля 1830 г.

«...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова».

ПУШКИН.

«Путешествие в Арзрум».

«(Начало мая 1829 г.) Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе сообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомая коротко, но какая власть высокого таланта!».

Генерал А. П. ЕРМОЛОВ — Денису Вас. Давыдову.

«Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских».

ПУШКИН.

«Путешествие в Арзрум».

«Государь император, узнав, по публичным известиям, что вы, милостивый государь, странствовали

за Кавказом и посещали Арзрум, высочайше повелеть мне изволил просить вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же с своей стороны покорнейше прошу вас уведомить меня, по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправиться в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие». А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 14 октября 1829 г., из Петербурга.

«Пушкин приехал в Москву с намерением сделать предложение Н. Н. Гончаровой... Собираясь ехать к Гончаровой, поэт заметил, что у него нет фрака. — «Дай мне, пожалуйста, твой фрак», — обратился он к Павлу Войновичу. — Я свой не захватил, да, кажется, у меня и нет его». Друзья были одинакового роста и сложения, а потому франк Нащокина как нельзя лучше пришелся на Пушкина. Сватовство на этот раз было удачное, что поэт в значительной мере приписывал «счастливому» франку. Нащокин подарил этот фрак другу, и с тех пор Пушкин, по его собственному признанию, в важных случаях жизни надевал счастливый «нащокинский» фрак».

В. А. НАШОКИНА.

«Я хочу жениться на молодой особе, которую люблю уже год».

ПУШКИН — родителям, 6—11 апреля 1830 г.

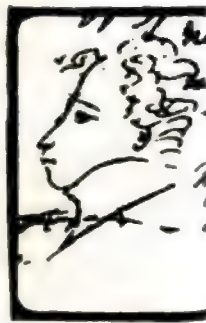
«Он в восторге от своей Натали, — он говорит о ней, как о божестве. Он рассчитывает приехать с нею в Петербург в октябре месяце. Представь себе, он сделал этим летом sentimentalную поездку в Захарово, совсем один, — единственно для того, чтобы увидеть места, где он провел несколько лет своего детства».

Н. А. ПУШКИНА (мать поэта) — О. С. Павлишовой, 22 июля 1830 г., из Петербурга.

«Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает, а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень приятно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского. Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью...».

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 31 августа 1830 г., Москва.

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Аполлону. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт

и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное)* Написал я прозой 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатать также Аполуте».

* Для тебя единого.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 9 декабря 1830 г., Москва.

«Нанануе свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на мальчишник, приглашал особыми записочками. Собралось обедать человек десять, в том числе был Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется, Елагин (А. А.) и пасынок его, Ив. Вас. Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям было даже неловко. Он читал свои стихи, прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати. Пушкин уехал перед вечером к невесте. Но на другой день, на свадьбе, все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша».

П. И. БАРТЕНЕВ.

«Мой брат и его жена проведут лето в Царском Селе... Они в восхищении друг от друга; моя невестка — очень очаровательная, хорошенькая, красивая и остроумная, к тому же и очень славная».

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 4 июня 1831 г.

«Пушкин мой сосед, и мы ведемся с ним часто. Жена его очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. Вяземскому и А. И. Тургеневу из Царского Села.

«С зимы 1832 года он стал посвящать все свое время работе в архивах, куда доступ был ему открыт еще в прошлом году. Из квартиры своей... отправлялся он каждый день в разные ведомства, предоставленные ему для исследований. Он предался новой работе своей с жаром, почти со страстью».

П. В. АННЕНКОВ.

«Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко».

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 21 августа 1833 г., Павловское.

«1834. 1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприятно моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничков... Меня спрашивали, доволен ли я своим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставляли меня учиться французским вокабулам и арифметике».

ПУШКИН. Дневник.

«Ангел мой женка!.. Все эти праздники просижу дома. К nasledнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен: царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой: с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецегаляет, а плетью обуха не перешибет».

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 20 и 22 апреля 1834 г., Петербург.

«Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охладило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre [буквально]. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно: каторга не в пример лучше».

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 3 июня 1834 г., Петербург.

«В обхождении Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человека и с первого раза устанавливавшая самые благородные отношения между собеседниками. Поэт Кольцов, введенный в общество петербургских литераторов, был поражен дружелюбною откровенностью приема, сделанного ему Пушкиным. С робостью явился он к знаменитому поэту и не встретил ни тени величаемого благоволения, ни тени покровительственного тона... Пушкин крепко сжал руку Кольцова в своей руке и заговорил с ним, как с давним знакомым, как с равным себе...».

П. В. АННЕНКОВ.

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему».

Н. В. ГОГОЛЬ. Несколько слов о Пушкине. 1835 г.

«Я далеко не восхищаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератор я раздражен, как человек с предрассудками — оскорблен, но кланюсь честию, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую дал нам бог».

ПУШКИН — П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г., Петербург.

«Граф! Я вправе и вижу себя обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что только что произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра безыменного письма, оскорбительного для моей и жены моей чести. По внешнему виду бумаги, по слогу письма и по тому, как оно составлено, я в первый же миг распознал, что оно исходит от иностранца, человека, принадлежащего к высшему обществу, дипломата. Я пустился в розыски; я узнал, что в тот самый день семь или восемь лиц получили по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя, под двойным конвертом. Большинство особ, получивших эти письма, заподозрив мерзость, не отослали их ко мне. Все, в общем, были возмущены оскорблением столь подлым и незапущенным. Но, не переставая насловствовать, что поведение жены моей было безупречно, говорили, что предложом для этой гнусности было настойчивое волокитство господина Дантеса. Мне не подбало видеть в данном случае имя жены моей соединенным с именем кого бы то ни было. Я велел сказать это господину Дантесу. Барон Геккерен явился ко мне и принял поединок от имени господина Дантеса, потребовав у меня отсрочки на две недели. Случилось так, что в этот условленный промежуток времени господин Дантес влюбился в мою свояченицу, м-ль Гончарову, и просил ее руки. Узнав об этом из общественных толков, я велел попросить господина д'Аришака (секунданта господина Дантеса), чтобы вызов мой считался как бы не состоявшимся. Тем временем, я удостоверился, что безыменное письмо исходило от господина Геккерена, о чем полагаю своим долгом довести до сведения правительства и общества».

Будучи единственным судьей и стражем своей и женой чести и, следовательно, не требуя ни правосудия, ни отщипления, не могу и не хочу давать какие-либо доказательства того, что утверждаю».

ПУШКИН — А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г., Петербург.

«Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз — за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом поглядывал кругом. Помню его смуглое небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых, крупных зубов, висящие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы... Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление».

неприятное: он словно с досадой повел плечом, — вообще, он казался не в духе, — и отошел в сторону».

И. С. ТУРГЕНЕВ.

«...Он оставил Данзаса для условий с д'Аришаком, а сам возвратился к себе и дожидаясь спокойно развязки. Его спокойствие было удивительное; он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся для его журнала)».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину.

«...Снег был по колена; по выборе места надобно было вытоптать в снегу площадку, чтобы и тот и другой удобно могли и стоять друг против друга, и сходитьсь. Оба секунданта и Геккерен занялись этою работою; Пушкин сел на сугроб и смотрел на роковое приготовление с большим равнодушием. Наконец, вытоптана была тропинка в аршин шириною и в двадцать шагов длиною; плащами означили барьеры...».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину.

Все было кончено. Противников поставили, подали им pistols, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходитьсь.

А. АММОСОВ.

«Друзья, ближние молча окружили изголовье отходящего; я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснулся, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

— Кончена жизнь!»

В. И. ДАЛЬ.

«Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил! У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редет; пора и нам убираться...».

Ф. Ф. МАТЮШКИН (лицейский товарищ Пушкина) — М. Л. Яковлеву.

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!..

29-го января 2 ч. 45 м. пополудни. В. ОДОЕВСКИЙ.

«Ведь Пушкина убили, потому что своей смертью он никогда бы не умер, жил бы вечно...».

М. ЦВЕТАЕВА. Из письма.

Публикацию подготовил В. ПОТРЕСОВ.

Свидетели времен минувших

Уже не в первый раз поднимаюсь я по крутой деревянной лестнице небольшого особняка на старой живописной улице в Тбилиси. Но как только открываю дверь одной из комнат, всякий раз замираю в изумлении. Казалось, и не шел только что по шумному, заполненному машинами и вечно спешащими моими современниками южному городу конца XX века,—здесь тишина, в невиданных канделябрах свинцового стекла горят свечи, отражаясь в высоких зеркалах; на старинном пианино раскрыты ноты «Пиковой дамы»; книги в кожаных и полукожаных переплетках; альбомы с рисунками, гравюрами и фотографиями разложены на столах красного дерева; секретер с изящными инкрустациями притягивает взор необычной причудливой формой. А с портретов загадочно смотрит красивая молодая женщина со жгучими черными глазами, которые так и хочется назвать очами. Это о ней писал когда-то шутиливо Пушкин:

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те...

Мы находимся среди чудом сохранившейся в бурях и невзгодах XX века обстановки знаменитого петербургского литературного салона Александры Осиповны Смирновой (рожденной Россет). Какие люди прикасались к этой старине, какие голоса слышала она! Пушкин и Гоголь, Жуковский и Вяземский, Лермонтов и Тютчев выносили на суд хозяйки свои произведения и со вниманием прислушивались к мнению Александры Осиповны, одной из замечательнейших и образованнейших русских женщин. У нее любили бывать Тургенев, Аксаков, Хомяков, Туманский, А. К. Толстой, Соболевский, Полонский. Подумать только, ведь именно среди этих вещей Гоголь читал свои произведения Пушкину!

Подлинную частицу пушкинского Петербурга, живую память минувшего ощущаешь, переступая порог этого дома. Мне кажется, что даже самый лучший мемориальный музей не несет того дыхания эпохи, которое чувствуешь здесь. Ибо тут все настоящее, живое; все, помнящее знаменитую хозяйку и ее великих друзей.

— Но как же все это оказалось в Тбилиси? — обращаюсь я к тому, кто бережно хранит сегодня эту драгоценность, правнучку А. О. Смирновой, филологу, руководителю Дома литературных взаимосвязей Михаилу Георгиевичу Смирнову. — Почему обстановка петербургского салона пушкинской эпохи с берегов северной Невы перекочевала на берега горной Кавказа?

— О, это давняя и сложная история, — отвечает Михаил Георгиевич, — и связана она прежде всего с научными интересами моего деда, сына Александры Осиповны. Михаил Николаевич Смирнов был крупным ученым-ботаником, одним из виднейших исследователей кавказской флоры. С конца прошлого века Смирновы живут в Тбилиси. Михаил Николаевич и перевез в Грузию вещи, книги, портреты и бумаги матери. Все поколения нашей семьи, как святыню, берегли их. Сейчас на основе уникального собрания реликвий пушкинской эпохи в Тбилиси создан Дом литературных взаимосвязей — пушкинский мемориал при Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям. Ее разнообразная, инте-

ресная деятельность — предмет особого рассказа...

А пока прислушаемся к голосам былого, которые так явственно звучат среди этих реликвий.

* * *

Один из февральских вечеров 1837 года Андрей Николаевич Карамзин, живший тогда в Париже, проводил, как обычно, у Смирновых — Николая Михайловича, русского дипломата, и его жены Александры Осиповны. Вдруг подали письмо из Петербурга. Здесь же, за столом у Смирновых, Карамзин вскрыл его, прочел и вскрикнул. С родины сообщали о гибели Пушкина.

Эта весть острой печалью пронзила друзей поэта, собравшихся в Париже. «У Смирновых обедал Гоголь, — писал А. Карамзин матери, — трогательно и жалко смотреть, как на этого человека действовало известие о смерти Пушкина. Он совсем стех пор не свой...». Добрый приятель поэта Н. М. Смирнов прямо назвал Пушкина самой замечательной личностью в России, что вызвало негодование у многих верноподданных сотрудников русского посольства; а Александра Осиповна горько рыдала, оплакивая человека, который так ценил ее дружбу, обаяние, ум. Именно Пушкин глубже всех постиг душу этой удивительной женщины и создал поражающий красотой и психологической глубиной ее знаменитый поэтический портрет:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра:
Смеялась над толпою вздорной.
Судила здраво и светло,
И шутила злости самой черной
Писала прямо набело.

Поэт оставил эти стихи в 1832 году в день двадцатипятилетия Александры Осиповны на первой странице подаренного ей альбома, в котором, как считал он, хозяйка должна писать свои «Исторические записки».

О подробностях смерти Пушкина сообщал ей в Париж Вяземский: «Что скажете вы о страшном несчастии, обрушившемся на наши головы, как громовой удар, когда мы менее всего того ожидали... Умирая, Пушкин продиктовал записку, кому он что должен; вы там упомянуты. Это единственное его распоряжение...» Ответное письмо А. О. Смирновой много говорит о ее уме и сердце: «Вы меня забываете, хотя вы должны были бы сообщить мне еще несколько подробностей о горестном событии. Правда, для друзей Пушкина и для друзей России все уже высказано. В сегодняшней «Revue de Paris» есть статья «Legendes des poètes». В ней припоминаются все великие гении: все они несчастные, преследуемые или обществом, или правительством, не признанные, оклеветанные, умирающие в тюрьмах или в нищете. В статье не упоминается Пушкин, а, однако, ничего нет более раздирающе-поэтического, как его жизнь и его смерть. Я так же была здесь оскорблена и глубоко оскорблена, как и вы, несправедливостью общества. А потому я о нем не говорю. Я молчу с теми, которые меня не понимают. Воспоминание о нем сохраняется во мне недостынным и чистым. Много вещей имела бы я вам сообщить о Пушкине, о людях и делах, но на словах, потому что я побаиваюсь письменных сообщений».

Вместе с немногими настоящими друзьями Пушкина понимала она его истинное значение для России. «Одно место в нашем кругу пусто, — писала она, узнав о гибели поэта, — и никогда никто его не заменит. Потеря Пушкина будет еще чувствительнее со временем. Вероятно, талант его и сам он развились бы с новой силой через несколько лет».

Так кто же такая была Александра Осиповна Смирнова, оставившая нам литературные мемуары необычайной ценности, женщина, к которой обращали стихи лучшие русские поэты, причем посвящая ей не обязательные для XIX века комплиментарные мадригалы, а такие глубокие и серьезные строки, какие, например, создал Лермонтов:

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?... Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...?

«Кто такая была эта Смирнова — об этом в России не знают только люди или безграмотные, или совсем равнодушные к литературе и к истории русского общества», — замечал бывший одно время воспитателем сына А. О. Смирновой Михаила поэт Яков Петрович Полонский.

Если мы перечитаем все стихи, посвященные Александре Осиповне, а их много — и прекрасных! — то убедимся, что там воспеваются не только ее удивительная южная красота, но чаще ее своеобразная, яркая личность. Хорошо это чувствуется в строках Сергея Соболевского:

Не за пышные плечи,
Не за черный ваш глаз,
А за умные речи
Полюбил бы я вас.
По уму вы плутовка,
По душе вы дитя...

«...Я все готов был простить Смирновой за ее ум, правда, парадоксальный, но все-таки ум, и за ее колоссальную память, — вспоминал Полонский. — Чего она не знала? На каких языках не говорила?»

Не случайно, конечно, Пушкин и Гоголь так любили беседовать с ней, считались с ее суждениями, поражались точности и остроте ее мысли, с восхищением слушали ее рассказы. Александра Осиповна родилась 6 марта 1809 года в Одессе. Отец ее — француз, принявший русское подданство и служивший в русской армии Осип Иванович Россет, мать Надежда Ивановна Лорер (сестра декабриста Н. И. Лорера). По матери она была в родстве с известным остроумцем грузинским князем Цициановым, о котором Пушкин замечал, что «всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мне, как всякие

Этот хрустальный заздравный кубок держал в руках Пушкин * Звучит пианино, на котором играл П. И. Чайковский * Одна из комнат пушкинского мемориала. В центре — столик с резьбой, выполненной Петром I * А. О. Смирнова. 1837 год. Портрет работы Ф.-К. Винтергальтера * Книги из библиотеки А. О. Смирновой.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Как и полтора века назад, горят свечи в старинных канделябрах в салоне Смирновой * А. С. Пушкин. Художник Ж. Вивьен (!). 1826 год. (Государственный музей А. С. Пушкина) * А. О. Смирнова. Скульптор К. Вичман * Секретер, за которым Александра Осиповна писала свои известные «Записки».

остроумные вымыслы князю Цицианову». В. И. Шенром в статье «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» отмечал, что «от Россетов она унаследовала французскую живость, восприимчивость ко всему, остроумие; от Лореров — изысканные привычки, любовь и порядку и вкус к музыке, от грузинских своих предков — лень, пламенное воображение, глубокое религиозное чувство, восточную красоту и непринужденность в обращении». Детство Александры Осиповны прошло в крохотном небогатом именнике ее бабушки Грамаклев неподалеку от Николаева. Здесь она была погружена в простой патриархальный быт, упорную малороссийскую природу и песни, непринужденность и естественность семейных отношений. «Я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон, а любила уютную комнату, где незатейливо говорят, что думают, т. е. что попало». Но судьба внесла резкий перелом в жизнь девочки. Матери удалось поместить ее в петербургский Екатерининский институт. Но то, что вошло в душу в детстве, не забылось. Мало что, например, владела в ту пору таким ярким, сочным, естественным русским языком, как Александра Осиповна. «Нас в институте наказывали за то, что не говорим по-французски, — вспоминала она в «Автобиографии». — Делай, что хочешь, а от отечественного языка не отучишь». Мысль ложится сама, без спроса. Плетнев рассказывал нам какой-нибудь исторический факт, и тут при нем же мы должны были писать. Он говорил, что мой слог лучше (других), потому что очень простой». Чуткий к талантам Плетнев преподавал в институте русскую словесность. От него узнала Александра Россет еще до личного знакомства с Пушкиным «Руслана и Людмила», «Кавказского пленника», «Онегина», «Бахчисарайский фонтан». На выпускном экзамене в институте Александра Осиповна читала «Фонтану Бахчисарайского дворца». Она принесла дружескую привязанность и Плетневу через многие годы. «Россети вижу часто, — писал Плетневу Пушкин в августе 1831 года, — она очень тебя любит, и часто мы говорим о тебе».

Окончив курс и став фрейлиной двора, совсем юная Россет не побоялась обратиться к императору с ходатайством о смещении участии своего дяди декабриста Н. И. Лорера. Она спасла его от ссылки в Мертвый Култук и неминуемой гибели. Не раз в дальнейшем Александра Осиповна использовала свое влияние при дворе, чтобы помогать гонимым и притесняемым друзьям.

С Пушкиным Александра Осиповна познакомилась зимой 1828/29 года, видимо, на танцевальном вечере у Карамзиных. Они танцевали мазурку, разговорились, и Пушкина, как и многих, поразила ее превосходный русский язык. «Как вы хорошо говорите по-русски», — сказал он. Так началось их сближение. Через фрейлину Россет передает Пушкин императору Николаю свои произведения, например, восьмую главу «Онегина», они видятся довольно часто. Но поначалу стиль их отношений был скорее шутливо-дружеским, чем серьезным. Об этом много-много позже искренне сказала сама Александра Осиповна пушкинисту Бартеневу. «Вы ценили Пушкина, и он вас?» — спросил Бартенев. «О, нет, — ответила она прямодушно, как всегда отвечала. — Ни я не ценила его, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков; мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».

Их во многом поверхностные в эти годы отношения лишь позже перешли в подлинную серьезную дружбу. А тогда Пушкин был увлечен Анной Олениной, и не случайно в ответе на стихи князя Вяземского, посвященные Александре Осиповне, противопоставляет он задумчивую красоту Олениной восточной красоте Россет.

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза.
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами.
Ее чересские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огнем живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!

В 1831 году, когда Пушкин с Натальей Николаевной проводили лето в Царском Селе, где находился и двор, поэт часто виделся с Жуковским и Россет. Здесь же Пушкин представил Александре Осиповне Гоголя. Эта

Камер-юнкерская шляпа — один из раритетов пушкинского мемориала в Тбилиси * Альбом А. О. Смирновой с автографом стихотворения «В тревоге пестрой и бесплодной...» (Пушкинский Дом).

встреча в дальнейшем определила очень многое в ее жизни. Видимо, именно в Царском начала сознавать Александра Осиповна истинное значение Пушкина, об исключительности которого она позже говорила так: «Ни в ком не было такого ребяческого благодушия, как в Жуковском. Но никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли — бывало, забьет их совершенно».

Я. П. Полонский записал рассказы Александры Осиповны о Пушкине. По утрам она заходила на дачу Китаева, где жил поэт. После купания с мокрыми курчавыми волосами лежал он обычно в коричневом сортуке на диване. В то время он писал сказки и иногда читал их, спрашивая мнение жены и Александры Осиповны. Часто Пушкин говорил им: «Ваша критика, мои милые, лучше всех, вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится». Они были молоды и веселы. Вечером Пушкин и Наталья Николаевна ходили гулять вокруг озера, иногда Россет заезжала за ними на дрожках, и все ехали натащиться. Пушкин бывал тогда необыкновенно весел и забавен, вспоминала Александра Осиповна.

Как-то она сказала Пушкину: «Мне очень нравятся ваши стихи «Подъезжая под Ижоры».

— Отчего они вам нравятся?

— Да так, — они как будто подбодрили, будто плясать хотят.

Пушкин очень смеялся.

— Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно — «подбодрили», а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора».

В конце июля Александре Осиповне Россет было дано разрешение выйти замуж. «Она гласно сговорена. Государь уж ее поздравил», — сообщал Пушкин Плетневу 3 августа 1831 года. А Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Мы с Пушкиным вместе проживаем в

У стола, вокруг которого сидели Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Гоголь... Михаил Георгиевич Смирнов (правнук А. О. Смирновой, сидит третий слева) знакомит с пушкинскими реликвиями участников проходивших в Тбилиси литературных чтений, посвященных 175-летию Н. В. Гоголя.

Фото В. Карпенко.

Царском и вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты».

Ее жених Н. М. Смирнов был давним товарищем Пушкина. Он был богат, подолгу жил за границей, отличался честностью, благородством, но порой бывал вспыльчив до бешенства. Его предок по матери — первый сержант Петровской эпохи Бухвостов. Известно, как Пушкин интересовался Петром I и всем, что касалось его времени. Поэтому он был поражен, когда Александра Осиповна рассказала ему, что в день свадьбы муж передал ей прекрасное распятие, принадлежавшее его матери, «оно работы Алгарди, испанца, который делал навесы над сводами в соборе св. Петра. Распятие это было подарено Петром Великим предку моей свекрови Бухвостову... Пушкин отвечал мне, — пишет Александра Осиповна, — я слишком люблю и уважаю Смирнова, чтобы завидовать ему, но распятие, данное Петром Великим, стол с резьбой его работы, выточенная им чаша из черепахи, его компас, — такие вы имеете сокровища, и этот чудный его портрет работы Карла Моора, — где вы все это оставите?»

— В деревне, там старые слуги моего свекра и моей свекрови, которые хорошо знают ценность этих вещей».

Известный пушкинист П. Е. Щеголев говорил о варианте «Записки» А. О. Смирновой, подготовленных ее дочерью Ольгой Николаевной после смерти матери и опубликованных в «Северном вестнике», что они содержат множество наслоений. Действительно, нужна и должна быть выполненная сложная текстологическая работа, чтобы в этом варианте «Запи-

сок» отделить зерна от плевел, апокрифы, эпизоды и разговоры, сочиненные очень способной писательницей О. Н. Смирновой, от действительно принадлежащих документальной прозе ее матери. Но случай, рассказанный выше, по всей вероятности, восходит к самой Александре Осиповне. Ибо сохранилось и распятие, которым восхищался Пушкин, и стол с резьбой, выполненной Петром I. Так же как сохранилась среди реликвий дома Смирновых в Тбилиси и табакерка с портретом Екатерины, которую держал в руках Пушкин, когда Смирнов рассказывал поэту историю именины своего отца на Бухвостовой. Ей императрица и послала эту табакерку.

Есть своя тайна в притягательности даже прекрасных, но все же обыденных вещей, связанных с великими людьми. Мы бережно собираем и храним их не только как овестьленную память, не просто как материальный знак былой жизни.

От этих столов красного дерева, зеркал, канделябров, картин, музыкальных инструментов как бы протягиваются к нам какие-то незримые символические духовные нити и создается совершенно особая атмосфера, которая окружает нас и в Ясной Поляне, и в Тарханах, и в Михайловском. Иногда самый непритязательный предмет, какая-то на первый взгляд мелочь, деталь способны породить целую цепь ассоциаций, дать реальную жизнь мгновениям былого.

Я беру, например, с консоли в доме Смирновых черную с золотом камер-юнкерскую шляпу — такую же, а может быть, и эту? — вынужден был надевать Пушкин после того, как его оскорбили званием камер-юнкера. И тут же вспоминаю, что поэт, крайне неодобрительно относясь к мундиру, «расшитому кафтану», долго не хотел приобретать его, а это стало теперь необходимо для визитов во дворец. Наконец, Николай Михайлович Смирнов купил для него по случаю про-

дававшийся мундир князя Витгенштейна. В доме Смирновых заботились о поэте даже в мелочах, ценили и оберегали его. Именно Н. М. Смирнов оставил очень выразительные строки о любимом им Пушкине, характеризующие их автора как проникательного и тонкого психолога: «Что, может быть, неизвестно будет потомству, это то, что Пушкин с самой юности до гроба находился вечно в неприятном или стесненном положении, которое убило бы все мысли в человеке с менее твердым характером. Сосланный в псковскую деревню... он имел там развлечением старую няню, коня и бильярд, на котором играл одним тупым кием. Его дни тянулись однообразно и бесцветно. Встав поутру, погружался он в холодную ванну и брал книгу или перо; потом садился на коня и скакал несколько верст, слезая, уставший ложился в постель и брал снова книги и перо; в минуты грусти перекачивал шары на бильярде или призывал старую няню рассказывать ему про старину, про Ганнибалов, потомков Ольгой Николаевной... Так прошло несколько лет юности Пушкина, и в эти дни скуки и душевной тоски он написал столько светлых восторженных песен, в которых ни одно слово не высказало изменчиво его уныния».

После свадьбы Александры Осиповны Пушкин постоянно продолжал бывать у Смирновых. В неспокойные, тяжелые для него годы их дом был притягательным для поэта. Часто, придя к Смирновым, как вспоминал Николай Михайлович, «он печально ходил по комнате, надув губы, и, опустив руки в карманы широких панталон, уныло повторял: «Грустно! Тосна». Шутка, острое слово оживляло его элентрической искрой, — он громко захохочет и обнаружит ряд белых, блестящих зубов... И вдруг снова, став и камину... запоем протяжно: «Грустно! Тосна!»

В дневнике Пушкина этих лет неоднократно упоминается Смирнова, характерны чувства симпатии и уважения, с которыми пишет он о ней, противопоставляя ее опустившему свету: «Разговоры несносны. Слышится везде одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна и окружающая среда».

И уехав в 1835 году за границу, Александра Осиповна продолжала интересоваться Пушкиным, она выписывает «Современник», в письмах Вяземскому остроумно оценивает его, не раз вспоминает в письмах о Пушкине: «Что это за четвертый том Пушкина...» Оттуда он появился? Скажите Пушкину, что он мог бы написать мне словечко, хоть в стихах, поскольку это ему гораздо удобнее». Но писем Пушкина к Смирновой мы не знаем.

Александра Осиповна была суждена долгая жизнь. Она оставила выдающиеся мемуары. Живые образы великих русских писателей — Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вяземского, Крылова и многих других вырастают на их страницах. Ее салон действительно был «собранием лучших сил всей нашей страны, сердцем, из которого разносились во все концы России животворные соки — светлые, вдохновенные идеи и истинное просвещение».

Иван Сергеевич Ансаков, один из самых верных молодых друзей А. О. Смирновой, писал после ее кончины в 1882 году: «Ее красота, столько раз воспетая поэтами, — не величавая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, пронзительных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пылливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя — искусства, поэзии, знания — сноро создали ей при дворе и в свете исключительное положение. Дружба с Плетневым и Жуковским свела ее с Пушкиным, и скромная фрейлинская келия на четвертом этаже Зимнего дворца сделалась местом постоянного собрания всех знаменитостей тогдашнего литературного мира. Она и перед лицом императора Николая... являлась представительницей, а иногда и смелой защитницей лучших в ту пору стремлений русского общества и своих непридворных друзей». Эти качества и сделали Александру Осиповну душой лучшего русского литературного салона XIX века.

* * *

Минули годы. Судьба занесла обстановку салона Смирновой, ее лучшие портреты из Петербурга в Тбилиси. Здесь, в дружественной Грузии, культурная традиция дома поддерживалась потомками «черноокой Россети». Ее внук, Георгий Михайлович Смирнов, профессор-геолог, первооткрыватель многих полезных ископаемых в Грузии, создатель школы ученых-петрографов в республике, сумел, несмотря на все превратности жизни, уберечь для всех нас это чудо. Здесь, среди вещей пушкинской эпохи, постоянно бывал цвет грузинской и русской интеллигенции. Пианино, на котором когда-то хозяйка салона, великолепная музыкантша, играла в четыре руки с самим Листом и Вл. Одоевским, помнит и П. И. Чайковского. Он не раз играл на нем, когда приезжал в Тбилиси. Очень любили дом Смирновых Илья Чавчавадзе, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе. В дни памяти Пушкина всегда приходили сюда грузинские писатели, ученые, общественные деятели. Когда-то давно А. О. Смирнова хлопотала за Пушкина, помогала Гоголю, с прямотой и благородством служила как могла русской литературе. И эта традиция бескорыстного служения культуре не иссякла в ее потомках. В доме Смирновых в Тбилиси было, например, подготовлено и на средства семьи издано в 1922 году первое академическое собрание сочинений великого грузинского поэта Николая Бараташвили.

В последние годы здесь состоялись организованные Главной редакционной коллегией Всесоюзные научные конференции, посвященные Пушкину, Блоку, и недавно Гоголевские чтения, приуроченные к 175-летию со дня рождения писателя и А. О. Смирновой, о которой в известном письме к Языкову прекрасно сказал Гоголь: «Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточно силы оценить ее».

Тбилиси — Москва.

Юрий ЖУКОВ,
Игорь МЕЛЬНИКОВ

В издательстве «Молодая гвардия» выходит книга правдиво-международников Юрия Жукова и Игоря Мельникова под названием «Где мир — там жизнь». В ней раскрыта панорама сложного, собравшего устремления различных социальных и политических сил современности движения за мир, против угрозы ядерной войны.

Книга показывает историческую роль, которую призвано сыграть антивоенное движение наших дней в борьбе с попытками империалистических кругов, прежде всего США, обречь человечество на безумную гонку вооружений, заставить жить на краю ядерной пропасти.

Вниманию наших читателей предлагаются отрывки из этой книги.

БЬЕТ КРЫЛАМИ ГОЛУБЬ ПИКАССО

Мысль о написании этой книги родилась у нас вскоре после возвращения из Праги, где в июне 1983 года проходила Всемирная ассамблея «За мир и жизнь, против ядерной войны».

Ради чего взяли мы за эту работу? Для того, чтобы, раздвинув тесные рамки газетных репортажей, заставить дольше жить память об ассамблее? Нет, не для этого! Замысел книги представлялся нам в другом: взглянуть в завтрашний день нелегкой борьбы за мир, попытаться представить себе сотрудничество столь многих и столь разнообразных антивоенных движений в дальнейшем развитии борьбы за сохранение и упрочение мира.

Но, заглядывая в завтрашний день, надо непременно опираться на опыт минувших лет, на познания и мудрость пионеров нашего движения, громко заявившего о себе более тридцати лет тому назад на первом послевоенном конгрессе мира в парижском зале Плейель.

Как жаль, что нет среди нас сегодня гигантов человеческого духа, стоявших тогда у колыбели движения, — Фредерика и Ирен Жолио-Кюри, Джона Бернала, Пабло Неруды и Пабло Пикассо, Луи Арагона, Александра Фадеева, Ильи Эренбурга, Александра Корнейчука и Ванды Васильевской, многих других лучших представителей мировой культуры! Всей душой разделили бы они нашу радость, обозревая пройденный путь и весомые итоги общей борьбы миллионов людей во имя спасения Земли от страшной угрозы ядерной войны.

А разве можно забыть о легендарных подвигах героев антивоенной борьбы тех уже давних лет! Английские женщины, в холод и ненастье охватывающие живым кольцом ракетную базу Гринзм-Коммон, — не пример ли смелой француженки Раймонды Дьен, что легла на рельсы и остановила эшелон с танками, отправлявшимися во Вьетнам, вдохновляет их! И когда теперь сотни американских парней мужественно противостоят усиленным полицейским нарядам у ворот военно-исследовательского центра в Ливерморе, ветераны борьбы за мир невольно вспоминают о рабочем Тулонского арсенала Анри Мартене, который, вернувшись из Вьетнама, распространял среди товарищей-рабочих листовки с призывом отказываться производить оружие для «грязной войны». И он поднял на борьбу своих товарищей. Будут еще последователи и у тех австралийских докеров, которые закрыли ворота порта, приковав себя к ним цепями, чтобы воспрепятствовать отправке солдат-сотечественников на «грязную войну» во Вьетнаме.

Мы верим и знаем: антивоенное, антиракетное движение наших дней еще даст Европе, всему человечеству новых Раймонд и новых Анри. В рядах борцов за мир во весь рост поднимутся, заставят заговорить о себе герои, которых не запугают и не сломают ни полицейские дубинки, ни тюремные решетки, ни ядовитая ложь наемной прессы.

Бессмертный, ставший вечным символом мира голубь Пикассо распростер свои крылья

над всей планетой. И сегодня он бьет над нами крылами еще сильнее. В его настоячивости — напоминание о властной необходимости крепить единство всех людей доброй воли в борьбе за мир, за жизнь.

«ПАПА, ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА!..»

«Папа, что такое война!..» Этот вопрос, прозвучавший из уст чешского мальчика в переполненном зале Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь», «против ядерной войны», казалось, молотом ударил по незаживающей памяти ветеранов антивоенных движений. Тех, кто пережил ужасы второй мировой войны. Тех, кто не по газетам знал волчьи повадки американского империализма в его авантюрах на корейской и вьетнамской земле.

Война... Это понятие уходит своими корнями в самые глубины доклассовой истории человечества. Но, поясняя его сегодня, энциклопедический или толковый словарь ответит на вопрос мальчика из Праги, что война — это организованная вооруженная борьба между государствами или группами государств. Как причины, так и характер любой войны опре-

ГДЕ ТАМ

деляются предварявшей ее политикой и целями воюющих сторон. На сей счет исчерпывающе высказался В. И. Ленин: «Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, перемены только форму действия».

Есть такие заслуживающие доверия подсчеты: за период с 3600 года до новой эры по год 1980-й нашей эры имели место около 14 550 больших и малых войн. В ходе их погибло, умерло от ран, голода, от вспыхнувших эпидемий более 3,6 миллиарда человек. И среди этого множества войн гигантскими окровавленными вершинами возвышаются две мировые войны XX века. В первую из них были вовлечены 38 государств с общей численностью действовавших армий в 29 миллионов человек и мобилизованных — в 74 миллиона; людские потери воевавших стран составили 10 миллионов убитыми и свыше 20 миллионов ранеными и контужеными. Второй мировой войной были охвачены 72 государства, в которых было мобилизовано до 110 миллионов человек; в горниле ее сгорело около 55 миллионов жизней.

Вдумайтесь в эту цифру — 55 миллионов! Какой океан горя раскинулся за ней, какое море страданий, разрушенных очагов, исковерканных судеб! И больше трети погибших — 20 миллионов с лишком! — пришлось на долю нашей Родины. И хотя эта цифра стала хрестоматийной, к ней никогда нельзя привыкнуть.

Великая Отечественная война затронула каждую советскую семью, вошла в каждый дом. Это без преувеличения. Она была не всех нас одна, и в то же время даже в миллионе подвигов и в миллионе страданий нельзя было отыскать двух одинаковых.

Чем же запоминалась навсегда война, чем? Задавшись этим вопросом, мы решили хотя бы кратко ответить на него, оглянувшись на те годы жизни.

Старшему соавтору этой книги довелось пережить первую мировую войну и войну граж-

данскую, побывать под игом американской и японской интервенции на Дальнем Востоке, затем принять посильное участие в Великой Отечественной войне.

Ему довелось быть свидетелем труднейших битв за свободу нашей Родины от ига капитализма и против чужеземных захватчиков. Довелось с горестью видеть страшные разрушения, вызванные войнами, и с радостью наблюдать, как народ, проявляя чудеса героизма, дважды — в 1922 и 1945 годах — начинал восстановление нашей экономики, начинал это дело буквально с нулевой отметки.

Это был неимоверно тяжкий, но и радостный труд. Новые заводы и фабрики, новые железнодорожные и шоссейные дороги, новые города и села были и остаются достойными памятниками тем, кто ценой своей жизни отстоял свободу, завоеванную в октябре 1917 года.

Благодарная народная память сохранит на века подвиги тех, кто одолел в боях заклятых врагов и кто трудом своим укрепил могущество нашей социалистической Родины, являющееся лучшей гарантией безопасности советского народа.

МИР — ЖИЗНЬ

Но враги наши все еще не отказались от преступных замыслов. Позволил же себе президент США провозгласить «крестовый поход» против социализма как общественной системы, против Советской страны. Повторяем: **крестовый поход!**

Вот почему старший из соавторов этой книги вот уже 35 лет участвует в движении сторонников мира, которое становится тем сильнее, чем откровеннее высказывают свои замыслы те, кому хотелось обратить ход истории вспять, чтобы отнять у нашего народа его великие, поистине исторические достижения. Теперь пусть выскажется второй соавтор этой книги, которому летом 41-го не минуло и десяти лет.

...Всполье. Всякий раз, навещая теперь родной Ярославль, он с неповторимым чувством выходит на привокзальную площадь. Почему вызывает в нем водоворот чувств именно эта площадь, почти безлика по сравнению с неповторимыми уголками древнего русского города? И даже не сегодняшняя, застроенная современными домами, а та, какой он ее запомнил, — скверно вымощенная, со старым и неказистым деревянным зданием вокзала, распластанным вдоль железнодорожных путей?

Отсюда ранней весной 42-го он провожал старшего брата, мобилизованного в армию со школьной скамьи. Эшелон не отправляли более суток, и мать после работы дважды прибегала на Всполье, неся в узелке «что-нибудь покушать Николашке». В низком прокуренном зале сидели на скамьях, лежали на полу ярославские мальчишки, которым предстояло так быстро повзрослеть. Многие из матерей плакали: не в последний ли раз видят сыновей?..

Родной брат младшего соавтора этой книги вернулся с войны. Двоюродный — звали его Игорь Клинов — погиб. Когда в первые послевоенные годы младший соавтор книги переступал порог дома своей тетки в Рыбинске — ныне городе Андропове, то всегда видел на стене фотографию своего двоюродного брата, совсем юного: таким он ушел добровольцем

в действующую армию. Рядом с фотографией висела грамота Героя Советского Союза, подписанная Калинин, и присланный с фронта семье орден Отечественной войны. Игорь погиб, отражая атаку немецких танков. С последней связкой гранат он бросился под гусеницы вражеской машины...

Вот какими были для нас войны.

КАК КОСА НА КАМЕНЬ

Вспомним — вспомним хорошенько! — в какой тревожной обстановке завершались сороковые годы. Еще чадили едва погашенные пожары второй мировой войны. Еще не были разобраны в Варшаве груды щебня, в который нацисты превратили гетто. Еще ветер свистел в безлюдных руинах Сталинграда и Ковентри. Еще не стал музеем расстрелянный эзсовцами французский городок Орадур, еще не выветрился запах тлена в Освенциме, Майданеке, Дахау, Бухенвальде, а в мире уже начали происходить странные и чудовищные вещи.

Уже была помилована фашистская ведьма Илза Кох, делавшая для забавы, а возможно, для гешефта абжуры из кожи, содранной с тел узников. Уже пылали мирные арабские селения Палестины, подожженные террористической бандой Бегина. Уже началась война против народа Вьетнама, только что освободившегося от ига японской оккупации. И больше того, нашли люди, возмещавшие возможность, необходимость и даже желательность третьей мировой войны.

При этом в Вашингтоне тогда нисколько не заботились о выборе выражений. Там без стеснения говорили и писали, что весь мир должен находиться в подчинении у Соединенных Штатов, коль скоро они располагали монополией на атомное оружие. И кто знает, как повернулось бы дело, если бы не встали на пути этих преступных замыслов народы мира.

Вашингтонским стратегам очень хотелось заполучить и другую монополию — монополию в области пропаганды. Немало усилий приложили они в деле оболванивания людей, но все-таки, как правило, оказывались далеко от поставленной цели. Лучшие умы Америки, ее гордость, оставались верны идеям мира и гуманизма. А к их мнению прислушивались тысячи, сотни тысяч людей.

Именно таким был и остается в памяти прогрессивного человечества Альберт Эйнштейн, один из основателей современной физики, активный участник антивоенной и антифашистской борьбы еще в тридцатые годы. Неприязнь и ненависть к великому ученому духовные вожак «холодной войны» в США, словно эстафету, приняли от главарей германских нацистов. За что ненавидели его и те и другие? Конечно же, за преданность делу мира, за подлинный гуманизм и стремление к правде. «Атомная война или мир?» — так назывались две статьи, которые в разгар вакханалии «холодной войны» и антисоветизма в США Эйнштейн написал одну за другой и передал для опубликования в бостонский журнал «Атлантик Мансли».

«Эта страна (США), — писал он, — сделала предложение о международном атомном контроле, но на условиях, неприемлемых для русских... Те, кто осуждает русских за отказ, не должны забывать, что мы сами добровольно не отказались от употребления атомных бомб.»

«Я считаю, что американская политика является ошибочной... Накоплять запасы атомных бомб, не давая при этом обязательства воздержаться от их применения первыми, — значит эксплуатировать факт обладания бомбами для политических целей. Может быть, надеются таким путем вынудить Советский Союз к принятию американского плана? Но метод устранивший лишь углубляет противоречия и усиливает опасность войны!»

Как актуально звучат эти слова в наши дни! Летом 1948 года в польский город Вроцлав телеграф принес дружественное послание Эйнштейна собравшемуся там Всемирному конгрессу деятелей культуры. Конгресс этот знаменовал большой успех борцов за мир. Он стал первой и удавшейся — удавшейся по самому большому счету — попыткой людей доброй воли консолидировать свои силы.

Уже там, в этом городе, еще только поднимавшемся из руин военной поры, враги мира

почувствовали: коса нашла на камень. Очень твердый камень. Встреча лучших представителей мировой культуры во Вроцлаве родила смелую инициативу — поднять народы на великую битву за мир, обуздать силы агрессии и войны.

ИСТОКИ

— Недостаточно думать о мире. Мы собрались здесь затем, чтобы действовать. Мы не можем оторвать взгляда, когда будем принимать решения, от того города, который нас принял, от его руин. Руины города прислушиваются к нам...

Эти слова звучали в многострадальном Вроцлаве 25 августа 1948 года. С трибуны зала политехнического института их обратил к делегатам Всемирного конгресса деятелей культуры председатель союза французских писателей Морис Бедель.

Их было пятьсот — писателей, ученых, художников, композиторов. Съехались они в послевоенный Вроцлав из своих отечеств, из 45 стран. С какой целью? «Привела нас тревога за судьбы мира и нашей культуры, — произнес, открывая знаменательную встречу, председатель союза польских писателей Ярослав Ивашкевич, возглавивший организационный комитет. — Ибо в результате политики, проводимой определенными силами, вновь нависла угроза уничтожения и неизбежного зла».

Сменяя друг друга у председательского молотка, заседания конгресса вели люди, которых знал в сороковые годы весь мир, — Ирен Жюлио-Кюри и английский биолог Джулиан Хаксли (он был в ту пору генеральным директором ЮНЕСКО), писатели Александр Фадеев и Мартин Андерсен-Нексе, итальянский художник Ренато Гуттузо. «Знаменитостей, которые приняли участие в конгрессе, — отметил в своих воспоминаниях польский публицист Мариан Турский, — трудно даже перечислить: понадобилось бы переписать немалую часть списков делегатов; по крайней мере одна треть этих имен занимает свое прочное место в энциклопедиях».

О том, насколько справедливы слова польского публициста, можно судить хотя бы по составу французской делегации, насчитывавшей 27 человек: ученые Ирен Жюлио-Кюри и Марсель Пренан, писатели Веркор, Поль Элюар, Роже Вайян, художники Пабло Пикассо и Фернан Леже, адвокат Марсель Вийяр, бывшие министры, герои движения Сопротивления Ив Фарж и Лоран Казанова...

«Мы были свидетелями фашистского варварства, — говорилось в главной резолюции конгресса, — уничтожения исторических памятников и памятников культуры, преследования и оскорбления представителей научной интеллигенции, осквернения всех духовных ценностей...»

Да, большинство делегатов вроцлавского конгресса были свидетелями надругательства гитлеровцев над совестью, разумом и прогрессом. Эти люди — цвет интеллигенции. Они были не только свидетелями, но и участниками войны, итогом которой был разгром фашистской Германии. В 1939 году фашизм поднял меч, а в 1945-м погиб от меча.

Зло и вандализм были низвержены. Однако, говорилось в резолюции, вопреки воле народов мира власть имущие люди в Америке и Европе, унаследовавшие от фашизма идеи расового превосходства и ненависти к прогрессу, перенявшие от фашизма практику решать все проблемы силою оружия, снова готовили заговор против народов мира, не желавших подчиниться им. Слово и искусство, находясь во власти этих людей, вместо того чтобы просвещать и сближать народы, пробуждали низменные страсти и ненависть человека к человеку, прокладывая путь к войне...

То были слова глубокой тревоги, слова, зовущие к бдительности. Конгресс заявил решительный протест против использования науки в целях уничтожения и обратился ко всем людям доброй воли с призывом мобилизовать все силы, чтобы широко распространить знания во всем мире и использовать достижения науки для быстрого преодоления нищеты, невежества, болезней и других бед человечества.

«На нас возложена высокая ответственность

перед нашими народами, перед человечеством, перед историей, — с полным правом утверждалось в главной резолюции конгресса. — Именно эта ответственность подсказала нам, его участникам, необходимость быстрых и решительных действий». «Мы призываем, — заявили они, — организовать и провести в ваших странах конгрессы деятелей культуры в защиту мира, создать национальные комитеты сторонников мира, крепить и далее в интересах дела мира международные связи, объединяющие деятелей культуры всех стран».

Созданное конгрессом Международное бюро связи деятелей культуры в защиту мира выступило за созыв Всемирного конгресса сторонников мира. Это был принципиально важный шаг в деле объединения народов в битве за мир. Великий призыв был подхвачен и прозвучал с удивительной силой менее чем год спустя — на Всемирном конгрессе людей доброй воли, собравшемся в Париже. А в 1950 году на конгрессе в Варшаве был избран Всемирный Совет Мира. Вот уже почти три с половиной десятилетия возглавляет он борьбу общечеловеческих стран нашей планеты против сил агрессии и войны.

Таковы истоки. Так начинался после второй мировой войны долгий, трудный, но победоносный марш всемирного движения миролюбивых сил, ставших реальным, большим фактором современного развития человечества.

«НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ ДЬВЮЛА, КОТОРЫЙ МОГ БЫ ОПРАВДАТЬ ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ...»

На рубеже 50-х и 60-х годов разнеслась по свету слава о проводимых на британской земле Олдермастонских маршах мира. Сейчас нам хотелось бы отметить лишь одну, но очень важную их черту — массовость.

Идея этих походов возникла среди участников «Движения за ядерное разоружение», возглавлявшегося философом Бертраном Расселом и каноником Джоном Коллинзом. Она была поддержана английскими коммунистами и рядом тред-юнионов, в частности крупнейшим профсоюзом транспортных и некавалифицированных рабочих. И сразу же в ряды борцов против гонки ядерных вооружений влились тысячи и десятки тысяч людей. Напомним, что уже в 1962 году на митинг, завершивший очередной антиядерный поход из Олдермастона, в лондонском Гайд-парке собралось более полумиллиона тысяч трудящихся.

Это лишь один из бесчисленных примеров того, что именно рабочий класс, трудящиеся массы способны вдохнуть подлинную жизнь, придать необходимый импульс любому прогрессивному движению. Целиком относится это и к антивоенному движению. Проанализируйте статистику всех без исключения главнейших послевоенных форумов миролюбивых сил — всюду активнейшее участие в них принимали представители рабочего класса. «Войну нельзя вести без нас, но и мир нельзя обеспечить без нас» — эти полные глубокого смысла слова стали девизом теперь уже давней — она проходила в ноябре 1952 года в Осло — конференции рабочих северных стран Европы в защиту мира. Актуальность этих слов полностью сохраняется и в наши дни.

В пути к справедливому и прочному миру у рабочего, трудового люда всегда есть добрые и нужные спутники. Это и крестьяне и люди самых различных профессий. Но особое значение имеет участие в борьбе за мир выдающихся деятелей интеллектуального труда. Это известные писатели, поэты, ученые с мировым именем, искусные врачи, талантливые музыканты, философы, архитекторы — популярнейшие деятели с непревзойденным авторитетом, о которых справедливо говорят: это совесть человечества.

Уже на самой заре нового летоисчисления древнеримский историк Плиний записывал слова приговора и войне, и оружию, которыми она ведется. «С помощью железа мы возводим дома, — читаем мы в его книге, — дробим камни и выполняем множество других полезных работ. Но с помощью железа также ведутся войны, совершаются убийства и грабежи. И это происходит не только в рукопашном бою, но даже на расстоянии, с помощью метательных машин и крылатого ору-

жия... Последнее я считаю самым преступным изобретением, придуманным человеческим разумом. Ибо, как бы желая навлесть на человека быструю смерть, мы дали железу крылья и научили его летать. Так давайте же не будем судить Природу за то, в чем повинен сам человек».

Прошли века, тысячелетия. Невинной игрушкой стали казаться не только «метательные машины» древнеримских легионеров, но и порох, и чугунные пушечные ядра. Любое открытие ученых тут же использовалось в военных целях. И деятели науки, заботившиеся о том, чтобы их труды помогали человечеству вести достойную мирную жизнь, гневно протестовали против такого варварского использования открытий.

Их охватывала понятная тревога: чем больше они постигали возможности технического прогресса, тем более разрушительный характер приобретали войны.

Сегодня уместно вспомнить, что уже в начале 1922 года русский академик В. И. Вернадский, приветствовавший приход Советской власти и видевший, какими страданиями и лишениями дались ей победы над интервентами Антанты, записал: «Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию — такой источник силы, который даст ему возможность строить новую жизнь, как он захочет... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества».

Корифеи науки, литературы, искусства не могли, естественно, дожидаться от капитализма, говоря словами Вернадского, «лучшей организации человечества». И, видя приближение катаклизма, имя которому вторая мировая война, они активно включились в борьбу за сохранение мира.

В мае 1932 года французские писатели Анри Барбюс и Ромен Роллан опубликовали воззвание о проведении Всемирного антивоенного конгресса. В инициативный комитет по созыву конгресса вошли Эптон Синклер, А. М. Горький, Теодор Драйзер, Сун Цин-лин, Генрих Манн, Сэн Катаяма, Альберт Эйнштейн, Поль Ланжевэн, ряд других знаменитых деятелей культуры и науки.

Конгресс состоялся в Амстердаме в последние дни лета 1932 года, собрав свыше двух тысяч участников почти из трех десятков стран. Абсолютное большинство его участников составили рабочие, число же представителей творческой интеллигенции составляло около двух с половиной сотен.

Открыто и решительно прозвучал манифест, принятый в Амстердаме. «В силу мандата, данного ему со стороны массы делегатов различных политических направлений, собравшихся со всех частей света, но единых в искренности и пламенном желании мира... конгресс призывает массы, как единственную непреодолимую силу в ужасающем хаосе современности, к тому, чтобы подняться сомкнутыми дисциплинированными рядами против этого хаоса и возвысить против него свой мощный голос».

Яркую речь подготовил ко Всемирному антивоенному конгрессу Алексей Максимович Горький. Горьковской речи, однако, не удалось прозвучать в Амстердаме, поскольку делегации СССР голландские власти не выдали въездные визы. Но эта речь была все же опубликована. Пролетарский писатель гневно обличал империализм, бросающий миллиарды в топку подготовки войны. «На эти миллиарды, — заявил он, — конечно, можно устроить совершенно чудовищное истребление человеческих масс, фантастические разрушения городов, уничтожение продуктов труда. Я спрашиваю: к этому пришла капиталистическая «цивилизация»? Это — неизбежно? Это — может быть оправдано? Не представляю дьявола, который мог бы оправдать это преступление».

Окончание следует.

Эту печальную историю впервые я услышал в 1945 году. Услышал от моих родных, отца Захара Константиновича, матери Евдокии Трофимовны и сестры Лидии Захаровны. Все свершалось на их глазах.

И когда в сорок пятом я приехал в Каменку-Днепровскую в отпуск, они с волнением, перебивая друг друга, рассказывали о гибели гвардии майора Леонтия Пантелеевича Папертного.

Вот что рассказал отец:

— Тот февральский день 1944 года был не по-зимнему теплым, ярко, по-весеннему светило солнце, от растаявшего снега и частых дождей дороги превратились в сплошное месиво, как говорится, ни пройти, ни проехать. Бой за Каменку начался ранним утром. Он то утихал, то снова разгорался. И, наконец, совсем утих. Во второй половине дня в нашем переулке появились советские солдаты. То были разведчики. Все жители переулочка выбежали им навстречу. Радости нашей не было конца. Бойцов целовали, обнимали, угощали кто чем мог, приглашая хоть на минутку зайти в хату. Зашли и к нам двое солдат. Не прошло и пяти минут, как на столе появился украинский борщ. Ели его с аппетитом, хвалили хозяйку. Чуть позже зашел крепко сбитый, перетянутый ремнями молодой офицер. Погон его я не приметил: на плечах была плащ-палатка.

Офицер снял шапку, сел за стол, но от борща отказался. Поблагодарив хозяев за хлеб-соль, солдаты заторопились уходить.

И тут в окне мелькнули фашисты. Не стреляя, они направлялись к нашему дому.

Офицер вынул из кобуры пистолет и негромко скомандовал: «За мной, ребята!» Он выскочил первым, за ним солдаты, и тут же затрещали автоматные очереди. Офицер, отстреливаясь, бежал в сторону изгороди, но, не добежав до нее два-три шага, резко остановился. Поднятая рука с пистолетом опустилась, и он, как бы споткнувшись, упал вниз лицом. К нему подбежали немцы. Я отвел Лиду от окна, и мы с ней сели на пол. Сколько времени происходило так, в оцепенении, трудно сказать. Очнувшись, когда услышали дружное «ура» советских солдат, подоспевших на выручку разведчикам. Минут через тридцать все стихло. Я вышел с Лидой во двор, там уже была Авдотья с детьми. Мы внесли убитого майора в комнату и положили на лавку. Авдотья с Лидой обмыли его лицо, руки, сели возле него на лавочку и так провели ночь. А на рассвете к нам во двор на лошади заехал генерал. Я рассказал ему, как погиб майор. Он зашел в хату, посмотрел на убитого, в скорбном молчании постоял у изголовья и негромко сказал: «Гвардии майор будет похоронен в центре села со всеми воинскими почестями». Часов в девять утра к нам пришли четыре солдата и унесли тело убитого в центр села. Там его и похоронили.

Выслушав этот рассказ отца, я пошел в центр села и остановился у еще свежей могилы. На са-

модельном памятнике была надпись: «Паперный Л. Б.». А через несколько дней, прощаясь со мной, отец сказал: «Слушай, Михаил, вот какой я тебе дам наказ. Я рассказывал об убитом майоре, а кто он, откуда родом, мы ничего не знаем. А у него ведь могут быть и отец и мать, жена, дети, братья, сестры... Наш общий долг — разыскать их и поведать им всю горькую правду, все то, что видели своими глазами».

Шли годы. Все поиски оказались безрезультатными. «В списках не значится» — таковы были ответы на мои многочисленные запросы.

В 1977 году я снова гостил у отца. И снова речь зашла об убитом майоре. Я рассказывал отцу о своих безуспешных поисках, запросах. Отец молча слушал меня, тяжело вздыхал, а потом обронил: «Значит, плохо ты искал». И в словах этих я уловил отцовский укор. На следующий год отец умер, а я так и остался в долгу перед ним — не выполнил отцовского наказа.

Прошло еще четыре года. И вдруг меня осенила мысль: а что, если на обелиске фамилия майора написана с ошибкой? Всякое случается на войне... Мысль эта не давала покоя. Откуда происходит фамилия Паперный? Паперть?.. Папертний?.. О своих соображениях написал в Архив Главного управления кадров Советской Армии. Ответ пришел дней через двадцать. «На ваше письмо сообщая, что в Главном управлении кадров на учете офицерского состава состоит парторг 939-го стрелкового полка 259-й стрелковой дивизии гвардии майор Папертний Леонтий Пантелеевич, 1917 г. рождения, уроженец села Егеновка, Тарановского района Кустанайской области. Погиб 8 февраля 1944 года. Захоронен в дер. Каменка-Днепровская Запорожской области. Его мать Прасковья Иосифовна в 1944 году проживала по адресу: Кустанайская область, Тарановский район, пос. Егеновка».

Теперь я с нетерпением ждал ответа Тарановского райвоенкомата. Он пришел раньше, чем я рассчитывал. Меня вызвала на телефонную станцию для переговоров родная сестра Леонтия Пантелеевича — Евдокия Пантелеевна Папертная. Тяжелый этот разговор часто прерывался: ей нелегко было вновь пережить

Зам. политрука Л. П. Паперный. Фото сентября 1941 года.

историю гибели брата. Нас никто не торопил, и мы договорились обо всем, что нужно было для встречи родных и близких у могилы майора. Вскоре я получил телеграмму: «Выехали втроем. Жена — Екатерина Васильевна Папертная — и сестры Евдокия и Мария».

Весть о приезде дорогих гостей облетела всю округу. Далеко за полночь школа-интернат как самых дорогих гостей встречала приехавших из далекой Кустанайской области. А утром отряд пионеров-следопытов вместе с родственниками Папертного пришел на братскую могилу, чтобы в торжественной обстановке возложить венки. Распоряжением военного комиссара была исправлена надпись на обелиске: не Паперный, а Папертний.

...Как родных и самых близких людей провожали жители гостеприимной каменско-днепровской земли своих всегда желанных гостей из далекой целинной области. Волнующими были проводы. Букеты цветов. Поцелун. Слезы.

...До свидания, Каменка-Днепровская, пусть никогда не зарастет тропа к могильному холму, что в самом центре твоём...

У обелиска в Каменке-Днепровской.

адреса великих свершений

И БУДЕТ ГОРОДОМ МАЖЕЙКАЙ

Николай БЫКОВ. Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА. Специальные корреспонденты «Огонька»

Мажейкай — дальний угол в пределах Литвы; тихий поселок спиной прислонился к лесам соседней республики. Впрочем, Паланга — тоже дальний угол по литовским меркам, но кто же не знает этого курортного города, желанного и гостеприимного! А Мажейкай даже и не город. Пока он живет и по-новому работает в прежнем звании РПГТ — рабочего поселка городского типа. Но этот поселок уже сейчас преобразуется на глазах его изумленных жителей, как некий утенок однажды обернулся прекрасным лебедем. Разумеется, в жизни подобная эволюция имеет иные причинно-следственные связи. Рождение города на земле — процесс посложнее сказочных превращений. А толчок ему обычно дает приезд проектировщиков. С них-то и начинается привязка предприятий, стимулирующих жизнь в ее новых проявлениях. И тогда старожилы понимают: надо потесниться, переместиться, требуют жертвы. И овладения новыми профессиями.

Все так и было, все так и случилось с мало кому известным райцентром Мажейкай. Прибыли однажды — тому уж лет несколько — проектировщики и привязали на местности проект нефтеперерабатывающего гиганта, созданного в стенах «Ленгипропетнефтехима». Говорят, проект когда-то демонстрировался на международной выставке и уже тогда, задолго до воплощения, заинтересовал зарубежных специалистов неожиданным решением. Его особенность — компактность. Значит, и коммуникации короче на много километров и металла нужно на треть меньше... И вправду, новичок топливно-энергетического комплекса занял земли заметно меньше, чем его старший собрат, полоцкий: всего-то двести пятьдесят гектаров.

...Давно остался позади Мажейкай, стремительный асфальт вынес нас к нефтеперерабатывающему заводу. Мы незаметно и легко преодолели нейтральную полосу километров двадцать шириной — полосу между будущим городом и «адской кухней». Альгимантас Чепис, секретарь парткома, почти у самого парадного подъезда красивого заводоуправления махнул рукой в сторону цветника:

— Там был хутор наш, точнее, моей бабушки. Мое детство... Теперь вот... Знакомьтесь — гордость Мажейкай!

«Литовский Байконур», — сказал

кто-то из хозяев предприятия. На Байконуре я не был, но тут высоко надо мной высились причудливые сооружения. Столпотворение множества гигантских печей и колонн — стальных, как я понял, колб и реторт в переплетях не менее гигантских, а главное — широченных металлических трубопроводов, пластмассовых шлангов и патрубков. Очень красивое предприятие. Одно слово — индустрия. И будто кухня: пары восходят к небу, со всех сторон шипение и посвист сглатываемого давления... Красиво. Колонны, резервуары, километры трубопроводов. Красиво... Это творение монтажников московского ордена Ленина треста № 7 Минмонтажспецстроя. Отлично сработали.

— Грунт здесь тяжелый, — рассказывал на ходу Альгимантас Чепис. — Глина. И болота. Даже плавун встретился, пришлось забивать сваи, ставить свой Петербург!

День и ночь идет продукция: темная и светлая. Темная — это мазуты, топливный и флотский, битум строительный. Светлая — бензин, керосин и прочее.

Берег Венты. Застенчивая узкая речка в плоских берегах. Как ты, Вента? Станешь ли жить-быть? Сможешь ли — рядом с таким пышущим парами красавцем? За Венту ответили люди: речка чистая, и рыба осталась. И осталось на единственном дереве гнездо аиста. Монтажники и строители пощадили — исхитрились при монтаже.

Шестидесят четыре цистерны наливаются одновременно. Меньше часа уходит на эту операцию — и короткий гудок. Цистерны таяко откатываются, их место занимают такие же, но покорные.

Устье нефтепровода «Дружба». День и ночь скрытно поступает сырье. Нефть. День и ночь отгружаются моторное топливо высшего качества, мазут, битум, многие другие нефтепродукты. Для республики — большое дело свои нефтепродукты.

— Слагаемые победы! — переспросил первый секретарь райкома партии Станиславас Гедрайтис. — Бетон плюс металл плюс дружба.

Гедрайтис молод, настроен философски, но склонность к обобщениям и анализу у него сочетается с энергией сегодня же и непременно практически решать вопросы, проблемы, которые нагромождают и новая роль Ма-

жейкяя, и реальность сосуществования рядом с поселком гиганта нефтехимии, и новые жители новых кварталов — тысячи работников завода-подселенца. И, конечно, новые потребности как быта, так и бытия на ином теперь уже уровне. «Растем. Будем городом. Надо соответствовать», — делится сокровенным Станиславас Гедрайтис. Аудиенция закончена. А я мысленно возвращаюсь к формуле здешней победы, как мне ее представил секретарь райкома. Бетон — это понятно. Строители, по свидетельству очевидцев и соучастников стройки, творили здесь чудеса. Первая очередь — тогда шла как бы разведка боем. А вторая очередь сдана эксплуатационникам на год раньше! На год. Металл — это тоже понятно, это виртуозная работа «кочевников» высшей квалификации и храбрости — монтажников. Дружба? Как не понять! Строители и техническая интеллигенция со всей страны. Из Москвы, Ленинграда, Волгограда, Череповца, Новокузнецка, Пензы и Казани. Из Белоруссии, Латвии, Грузии... Сто последних дней перед пуском особо напряженные.

Слаженность, взаимопонимание, ответственность — все это и есть дружба. Люди понаехали деловые, пробивные. Норма строительная — 35 месяцев, а построили за двадцать два. Огромный выигрыш в экономике. И в психологии будущих горожан. Такое не забудется. Никем. Ни теми, кто уехал на другие объекты пятилетки. Ни теми, кто остался, кому здесь жить.

Альбертас Гимбутас как раз из местных. В Мажейкяе родился — не в самом райцентре, но совсем рядом. Здесь рос, а школу ходил. И мечтал. Хотелось стать инженером, уехать далеко...

— Уровень инженерного мышления в республике достаточно высок, — объяснял мне истоки своей мечты Альбертас. — Литовцы любят точность. Я поступил в политехнический институт, уехал в Каунас. Там и услышал о плане построить литовский первенец нефтепромышленности. Да где — в моем родном Мажейкяе! Когда предложили сменить специализацию, конечно, согласился.

И вот сын колхозного сварщика стал нефтепереработчиком. Повзрослел. Вернулся.

Важно было и строить и население убедить, что соседство нефтеперегонного завода неопасно для земли, речек, полей, растений. Для аиста, которого все ждут! Этот психологический барьер для большинства — едва ли не самый трудный. Теперь на заводе местных не менее двух третей работающих. Более того, уроженец Мажейкяя, инженер Альбертас Гимбутас — главный человек на линии второй очереди. А ведь Альбертасу нет и тридцати. Он тут из института не один, их семеро, одноклассников. Два года друзья стажировались в Москве, работали пусконаладчиками в тресте «Оргнефтехимзавод». Опыт прибывал, как мышечная сила в юности, постепенно и ободряюще. Потом Альбертас участвовал в пуске первой очереди завода. Сварка, обработка труб, подъем колонн. Запоминал, записывал. Одних задвижек двенадцать тысяч штук!.. И, наконец, принял Гимбутас под свое начало 2-й цех, то есть целиком вторую очередь гиганта. Не робкого, видать, де-

сятка человек. Цех — постоянно действующий вулкан; внутри стальных реторт клокочет ад. Командует «адам», запертым наглухо в колоннах, вот этот застенчивый Альбертас. У него своя система слежения за десятками скрытых от глаз процессов. Да, конечно, есть центральный пульт, там круглосуточно дежурят операторы. Но есть еще и вот эта толстая, в коричневом переплете тетрадь у начальника Гимбутаса, в ней разноцветными фломастерами помечены все задвижки, все заглушки, все швы и перепуски, даже все возможные ЧП... За электронной тоже нужен глаз да глаз...

Ну, а как с охраной природы? Сточные воды, самый воздух — все под контролем спецслужбы. Очищаются ежесуточно двенадцать тысяч кубов сточных вод. Есть два пруда — отстойники. Механическая очистка, биологическая очистка... В прудах карпы. Кстати, мажейкяйский бензин — неэтилированный. От свинца и от ядов избавились! А ведь вот-вот будет строиться третья очередь, то есть установка глубокой переработки. Что это значит? В ближайшем будущем те же бензин и керосин станут гнать не из нефти, а из мазута. Прогресс не за горами, и мысль творческая не знает усталости.

Кто же герой, именинник в Мажейкяе? Таких тысячи. Действительно героев. Их, всех участников строительства и пуска второй очереди Мажейкяйского нефтеперерабатывающего завода, сердечно приветствовал Центральный Комитет КПСС. На общем празднике строителей, монтажников и эксплуатационников названы были имена бригадиров С. Бержанскиса, лауреата Государственной премии СССР Ю. Дмитриева, А. Вайкасаса, А. Станиса, директора завода Александра Ивановича Маслова и главного инженера Бронислоаса Вайнора, инженера-строителя Льва Амерханьяна и переселившегося в Мажейкяй из Грузии нефтепереработчика Сергея Тугуши. Многих!..

Итак, бетон, металл, дружба. Дружба — катализатор, который в процессе нашей жизни — «в нашей буче, молодой, кипучей» — совершенно необходим. Без катализатора любой естественный процесс синтеза, эволюции протекает медленно, а долгиа сроки и неуверенность, по сути, несовременны. Ни то, ни другое нынче никого не устраивает. Именно об этом говорит урок Мажейкяя — о роли катализатора дружбы. И, разумеется, пользе новейшей технологии, отвечающей задачам дня...

А город будет! И перекоцует заметный топографический кружок с республиканской карты на всесоюзную. Будет город. Потому что есть Мажейкяйский нефтеперегонный, научивший жить и работать по-новому. А иначе и нельзя здесь, на таком современном, таком красивом предприятии в самом устье нефтяной реки «Дружба».

Вернулся ли аист в мир новоселов-химиков и величественных конструкций? Приедут в новый город Мажейкяй и архитекторы, садоводы, музыканты, режиссеры, художники, воспитатели — молодые дизайнеры современной жизни. Птиц и художников так не хватает в новых городах!

Инженер Альбертас Гимбутас и секретарь парткома Альгимантас Чепис.

Ровесники завода.

Нефтепереработчики Сергей и Елена Тугуши.

Утро в Мажейке.

ПАМЯТЬ О ПУШКИНЕ

ПЕРВЫЙ В РОССИИ

— Семен Степанович, в последние годы, возможно, в пределах пяти-шести лет, в нашей стране открылось более 335 музеев совершенно разных тематических направлений. Среди них десять литературных, двадцать семь литературно-мемориальных, девять мемориальных, посвященных выдающимся деятелям русской культуры. Способны ли мы сегодня такое количество новых музеев наполнить жизнью, содержанием? Не захлестнут ли скука и обыденщина?

— Я понимаю вашу озабоченность. Она не без оснований. И все же не совсем ее разделяю. Ведь каждый мемориальный музей возникает не на голом месте. Открытию его предшествует, как правило, долгая собирательская работа музейщиков, энтузиастов. Иногда на это уходят десятилетия, а собрать удается самую малость... Чрезвычайно важно, чтобы мемориальный музей возникал, пока вещи на месте, то есть появлялся бы вслед за ушедшим хозяином...

— Но такая ситуация идеальна и, должно быть, крайне редка по своим благоприятным обстоятельствам.

— И все-таки очень желаемая. Разве плохо, что сохранилось родовое гнездо Юрия Гагарина, откуда некогда в безывестности вылетел первый в полном смысле земной сын... А родовые гнезда великих людей, особенно гениев культуры, духовников человечества — это своеобразная купель красоты.

Мы, к сожалению, часто об этом не задумываемся. Но как можно понять и оценить музыку Чайковского без природы Воткинска? Или Глинку без его смоленской деревни, Блока без Шахматова. Понимание этого приходящего мира природы не только важно, но и необходимо.

— А как складывалась судьба пушкинского музея в Михайловском? Ведь это был в России первый истинный мемориальный музей?

— Судьба, прямо скажем, нелегкая, полная разного рода курьезов и нелепостей. Мысль о создании музея возникла сразу же, в траурные дни 1837 года. Жуковский, обратившийся к царю с петицией о вспоможении пушкинской семье и об увековечении памяти великого русского поэта, предлагал выкупить село Михайловское за счет царской казны и создать музей, как это было сделано в Германии после смерти Гете или в Стратфорде в честь Шекспира.

Надо сказать, что царь выкупил Михайловское, но в пользу наследников Пушкина, а мысль о музее не поддержал. Так дело отодвинулось на долгие годы — целых шесть десятилетий, — когда поклонники Пушкина, готовясь к столетию со дня его рождения, добились, чтобы дом в Михайловском был выкуплен у сына поэта Григория Александровича и взят государством на содержание.

— Но был ли это тот дом, в котором жил дух Пушкина?

— Конечно, нет. Много вещей уже было утрачено. Да сын и не особо заботился о сохранении отцовской обстановки. Последние годы он жил в этом доме постоянно, безвыездно, можно сказать, и все в нем перестроил по своему усмотрению. За это ему крепко досталось от пушкинистов. Они его бранили на все лады. И поделом...

— Что же представлял собой этот первый литературный музей?

— До нас он не дошел ни в каком виде, но все-таки кое-что мы о нем знаем. Дом-музей открылся в 1911 году, а в 1914-м журнал «Баян» писал (я прочту дословно):

«Дом-музей — неудачная имитация старинны. Со стороны усадьбы это почти наизарма, нечто вроде хорошо выстроенного дома, какие встречаются на станциях железных дорог... В комнатах нет никаких следов хоть маленной заботы о стиле: венские стулья, стенные часы нового рисунка... кушетки и кресла современного вида. В комнате, изображающей кабинет поэта, большой письменный стол, несколько кресел и стульев, сделанных «под старину». Комната производит впечатление совершенно непонятное: не то официальный кабинет какой-нибудь нонторы, обставленной с претензией на стиль, не то помещение в доме, сдающемся с мебелью. Конечно, трудно восстановить все детали обстановки времени Пушкина, но все же нельзя не пожалеть о том, что при устройстве этого кабинета, как и вообще данного помещения, было приложено слишком мало художественного чутья и искренней любви и прошлому. На стенах несколько фотографий пушкинского уголка, у письменного стола большой портрет самого поэта, а рядом с ним портрет Л. Н. Толстого».

Я намеренно привел столь подробное описание. Конечно, ни о каком музее Пушкина и речи не могло быть...

— И долго еще музей влачил такое жалкое существование?

— Да, ему еще долго не везло, еще долго его пытались «спасать» разными средствами. В 1916 году в Михайловском начали строить колонии для престарелых ученых, потом в тридцатых годах тут возник совхоз свиноводческого направления, потом Академия наук решила создать дом для отдыха ученых. И все дела не было до самого пушкинского дома. Наконец наступил 1935 год. В «Правде» появилась статья «Чужаки орудуют в Михайловском». И было принято постановление правительства о памятных торжествах по случаю 100-летия со дня смерти Пушкина. Вот с той поры Михайловское очистили от всяких хозяйственных идыхательных баз и защитили от экспериментаторов, навсегда определив его судьбу — верно служить великому имени Пушкина.

— Наверное, эти годы экспериментаторства нанесли немалый ущерб и тому немногому, что хранило еще память о Пушкине?

— Я думаю, подлинной тогда оставалась только природа Михайловского. Его дубравы, озера, речки, ручейки... Все же остальное было случайным и малоценным.

ДЕРЕВНЯ МОЯ КАБИНЕТ

— Однако если подлинных пушкинских вещей не было уже тогда, то как же из положения выходили вы после Великой Отечественной войны, когда и редкие осколки мемориальности были почти все уничтожены? Чем вы руководствовались?

— Фашисты разорили усадьбу и даже то немногое, что оставалось, растащили. Дотла сожгли заповедник, дом, постройки. Жуткая картина, не приведи, чтоб она повторилась когда-либо... И вот академик Щусев, возглавлявший комиссию по изучению материального и духовного урона, нанесенного фашистами, объявил, что надо не реставрировать, а все строить заново, поднимать дома, леса, сады... И мы почти сорок лет строим. Первым открыл двери дом в Михайловском, потом в Тригорском, потом в Петровском... Параллельно велись и другие работы — восстанавливались часовни на Савкиной горке и Поклонной горе, ветряная мельница, баня в Тригорском, грот-беседка в Петровском, теперь мы думаем восстановить водяную мельницу в Бугрове.

— Щусев благословил вас на широкую программу, которая потребовала десятилетий, ог-

ромных капитальных вложений и активного участия самого представительного круга пушкинистов. Но, насколько я знаю, и до сих пор находятся люди, которые пытаются посеять сомнения в правильности выбранного пути. На чем основываются их претензии?

— На старых представлениях. Ведь когда-то до войны я бывал в Михайловском. Его экспозиция носила иллюстративный характер. Была явная претензия рассказать о всей жизни поэта, а не только о михайловском периоде. И экспозиция была скучна и малоприятна уже для того времени. Развесить карточки по стенкам не самое хитрое дело, а вот как передать пушкинскую мысль — деревня мой кабинет?

Пушкин этой афористической фразой гениально сформулировал сам смысл и цель экспозиции в Михайловском.

Но, приехав сюда и став во главе дела, я не могу сказать, что сразу же проникся этой пушкинской мыслью. Нет-нет, путь оказался долгим и тернистым.

Наша послевоенная экспозиция мало чем отличалась от довоенной. Такой она была до появления дома поэта в 1949 году. Открыв его к 150-летию со дня рождения Пушкина, мы пережили свое второе рождение как создатели музея-заповедника. На продуманное, тщательное во всех отношениях оборудование этого дома, духовное и материальное его наполнение я потратил более трех десятилетий. И процесс этот не остановился, он нескончаем...

— Семен Степанович, посетитель у вас почти всегда новый, редко кто за свою жизнь приезжает сюда несколько раз. Стало быть, и атмосфера дома, если он заполнен не личными вещами поэта, должна соответствовать духу приходящих людей. Не так ли? А они год от года меняются и во вкусах и в эстетических оценках, да и духовная наполненность их, если сравнить поколения, крайне неоднородна. Как это вы учитываете?

— Ну, по правде сказать, в вашем вопросе изложена суть моих многолетних поисков, которые иногда и по сей день, порой несправедливо, подвергаются критике. Хотя сомнения мои и моих критиков суть вещи разные. Они не учитывают, что я и сам не сразу стал знающим. Еще в 1929 году, работая в Петергофе вместе с моим товарищем Анатолием Владимировичем Шеманским, мы выпустили книжку «Экспозиция дворцов-музеев», в которой попытались изложить свои соображения о музейном деле.

Ведь оно тогда в таких огромных масштабах только зарождалось. И нуждалось не только в опыте, который складывается из прожитых жизней, но и принципиально новых идеях, которые могли бы придать этому зданию особую прочность и надежность.

Книжка наша вызвала споры, однако и нашла поддержку, высокую оценку у крупных историков-музееведов: Шмита, Федорова, Давыдова, Исакова... С тех пор прошло, легко сказать, более чем полвека — 55 лет, а многие мысли, высказанные в этой книжке, я исповедую и по сию пору и, насколько в моих силах, стремлюсь претворять их в жизнь. Музееведение — наука молодая. И не у всех находит поддержку и понимание.

ПОИСК ГАРМОНИИ

— А что является спорным?

— Некоторых вещей мы уже с вами коснулись в этой беседе. Но, может быть, для боль-

шей определенности стоит кое-что и назвать. Тем более если для меня это давно выношенные мысли, много раз продуманные и проверенные, то для части музейщиков они и сегодня представляются еще чем-то сверхреволюционным.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов складывалась вся структура музейного дела. Огромные ценности — культурные, духовные, материальные, — переданные Советским государством в народное пользование, требовали соответствующей организации.

Мы были убеждены, что все литературно-мемориальные музеи должны иметь определенную, строго ограниченную тему. Мемориальный литературный музей, как правило, бытовое музей. Быт — это общий уклад жизни великого человека. Быт помещиков, мелкопоместных дворян, быт крепостных крестьян — это быт Ганнибалов, Осиповых, Пушкиных. Он неотделим от быта поэта. Без бытовых вещей мемориальный музей создать нельзя, вещи — частица, тень человека. В них тайна его поэзии. Возьмите Пушкина. Весь его быт в его стихах. Однако собрание бытовых вещей, какие бы они подлинны и интересные ни были, еще не музей.

В музее бытовые вещи живут особой, почти таинственной жизнью. Пока они лежат в кладовой, находятся в состоянии отчуждения. Надо их сроднить, отыскать внутренние связи, которые придадут всей атмосфере гармонию. Именно гармония есть суть нашего поиска. Комод и икона, статуэтка Вергилия и умывальник, миниатюра и вытертый ковер, высокое и пошлое, большое и малое. Все способно преобразиться. И результат может быть самым неожиданным: пошлая вещь превращается в нечто значительное, трогательное; малое становится более крупным, а соседство Вергилия с умывальником не столь уж нелепым. Вещи в музейной экспозиции могут сливаться в органическое целое.

— Но вещь, она скорее лишь внешняя оболочка жизни. А быт великого человека нам должен раскрывать его дух. Иначе зачем же заводить мемориальные музеи?

— Для меня бытовые вещи делятся на два рода, так я их классифицирую.

Одни рассказывают о личной повседневной жизни. Вот они, вы правы, лишь внешняя оболочка и ценны в мемориальном музее своей подлинностью, способной заразить эмоционально и как бы подготовить человека к познанию, открытию вещей второго рода. Они уже свидетели не того, как ел и спал их хозяин, а того, как он думал, что делал, чем интересовался. Они позволяют перекинуть мостик от личного быта к быту общественному. Однако, признаюсь, таких вещей всегда крайне мало. Потому что владельцы часто сознательно «засекречивали», «прятали» их от нескромного взгляда...

К тому же если вещи бытовые можно подобрать по эпохе, хоть и редко, но они еще встречаются, то вещей духовных, душевно-познавательных, иными словами, сугубо личных, сыскать уже бывает, как правило, невозможно.

К чему моя мысль: друзья Пушкина не случайно сразу после его смерти подумали, что было бы полезно и целесообразно, кроме рукописей, сохранить и меморию поэта. Это правильно. Они думали о будущем, понимая гениальность Пушкина. А Михайловское в их оценке было местом вдохновения, гениального поэтического прозрения, местом прикосновения Пушкина к народной жизни. А когда через шестьдесят два года стали все-таки создавать музеи, то все вещи давно уплыли и уехали... Слишком порой медленно зреет признание...

УБЕРЕЖЕННАЯ СТАРИНА

— И все же у вас не возникает ощущения, что слишком много мы объявляем мемориальным?.. Тратим колоссальные средства на благоустройство, восстановление, поддержание... Ведь мемориальность — вещь чрезвычайно избирательная. Возьмем такой момент. Пушкин побывал в десятках мест, и эти дома сохранились. Их можно привести в порядок, но надо ли, скажем, в каждом случае открывать музеи, тратя на это миллионы рублей?

— Вопрос нелегкий, что и говорить, и ответ не может быть однозначным. Я не раз думал об этом, наблюдая вот уже лет семь-

десят, как многое исчезает с земли, и не только в годы народных бедствий. Выпрямляют улицу по современному проекту, а что мешает? Старина. Давай ее... Закладывают, как правило, в самом красивом месте в городе новый ансамбль — жилой, административный, мемориальный, парковый... Что мешает? Старина. И архитектор, призванный оберегать ее, призванный заботиться о преемственности традиций, в угоду собственному мнению, благовеличию и самолюбию легко подписывает уничтожение... Таких вариаций можете и вы привести сколько угодно.

Что же мы можем сделать, как защититься от этого поветрия? Спасти хотя бы то, что связано со святыми именами нашей культуры и истории. Сохранить пусть не всю застывшую музыку, а осколки ее. Но и они позволят будущим поколениям досочинить гармонию. С этой точки зрения важно бороться, думать и заботиться о каждом доме.

Вот совсем недавно мы с вами вместе побывали в восстановленном доме Аксаковых. И я вам скажу: хорошее дело — оживить старинные московские особняки.

Тут было бы уместно вспомнить, что начало Советской власти после Октября было ознаменовано целым рядом декретов, большей частью написанных или отредактированных Лениным, о сохранении национальной культуры. Ведь Ленин и сам был частью этой русской культуры со всей своей титанической мыслью о социальном и нравственном переустройстве. Он мог признаться, что не понимает нового в искусстве, но старое он не только любил, он с первых же дней Советской власти открывал для народа и собирал все оставшиеся духовные силы.

И старой интеллигенции эта забота его была близка. Я помню наших профессоров в Петроградском университете. После гражданской войны в холодных аудиториях голодным молодым людям они вдохновенно говорили о красоте мира, жизни и своим словом согревали нас. Какие же это были светлые головы, как им хотелось вдохнуть в нас лучшее из национальной культуры!

— Жажда красоты — это ведь состояние, совсем не постоянное для разных поколений?

— Это так, но и не совсем так.

Жизнь, сделав огромный зиток, через отрицание стереотипов тридцатых, сороковых, пятидесятых годов все больше возвращается к обнаженной жажде духовного. Что мы только не пережили: и мысль скудела, и красота ограничивалась десятком признанных авторитетов, и усадьбы дворянские горели вместе с духовным богатством, и старинные соборы, как храм Василия Блаженного, объявлялись атрибутикой царизма... Все было на моей долгой жизни: и кислое, и соленое, и горькое...

Но в том и есть правота жизни, что она в конце концов выведет на верную дорогу, если в обществе есть силы, способные видеть красоту, гармонию мира. Именно в эти силы и верил Ленин, составляя первые декреты, закладывая основу не только новых демократических отношений в обществе, но и зная, что они будут пронизаны духовной красотой. Именно этим чувством руководствовалась Российская Академия наук, когда летом 1924 года на первый праздник пушкинской поэзии послала делегацию во главе с президентом академии А. П. Карпинским. Увиденное в Михайловском произвело на них большое впечатление. А вслед за академиком сюда едет нарком просвещения Луначарский и горячо одобряет мысль: сделать традицией пушкинские праздники как высшее выражение народной любви к великому поэту.

— И, как всякое доброе семя, пушкинские дни дали прекрасные всходы, став неотделимой частью многочисленных литературных праздников, которые проводятся у нас в стране под началом и непосредственным духовным руководством Союза писателей СССР. В этом году пушкинский праздник — юбилейный. Ему 60 лет. Что само по себе всегда вызывает и размышления, и обобщения, и более обостренный взгляд на будущее. Писованки верны этой традиции. Праздник для них — постоянное и нестойчивое расширение народного духа. Наверное, об этом надо заботиться и в будущем...

— Если в Михайловском на праздник ежегодно приходят десятки тысяч людей, а в целом по стране в союзных и автономных рес-

публиках, во всех литературных торжествах участвуют миллионы поклонников поэзии, это ведь что-нибудь да значит для нашей духовной жизни! Я за развитие традиции, обновление ее в согласии с созидющим процессом возросших духовных потребностей людей. А это, в свою очередь, возлагает на организаторов праздников большую ответственность.

Сегодня и партия и правительство ставят перед нами, идеологическими работниками, задачу: всемерно способствовать развитию духовных интересов и потребностей людей, находить для этого самые неожиданные и гибкие формы воздействия... Меня, к примеру, всегда это увлекало. Духовная сфера сложная, не все в ней сразу принимается. Надо иметь и убежденность, и веру, и смелость, если хотите, чтобы наставлять на своем...

РАСШИРИТЬ СТЕНЫ...

— Семен Степанович, масштабы сегодняшнего заповедника уже во много раз превышают те, что были определены декретом, подписанным Лениным в 1922 году...

— Иначе и быть не могло. Тогда под охрану взяли только Михайловское, Тригорское и могилу Пушкина в Святогорье. А за последние двадцать лет практически вся земля, где жил и часто бывал поэт в годы ссылки, стала территорией заповедника. Это и старинные городища Савкино и Воронино, оба нами благоустроены и приведены в порядок, усадьба Ганнибалов в Петровском, село Бугрово, где мы восстанавливаем водяную мельницу, озера Маленец и Кучане с прилегающими землями. Кстати, оба озера также нами возвращены к жизни. Много мы положили труда, чтобы вырвать их из состояния уже наметившегося угасания.

— Можно сказать, что сегодня заповедник находится в своих истинных границах?

— Нет, нам предстоит в ближайшие годы обжить еще несколько мест, очень важных для понимания сельской жизни поэта. Около десяти лет по заказу Псковского облисполкома лучшие ленинградские реставраторы работали над генеральным планом дальнейшего развития и благоустройства Пушкинского заповедника. Теперь этот проект, разработанный «Ленгипрогородом», принят облисполкомом с высокой оценкой. Он открывает заповеднику большие перспективы...

— В чем существо их?

— Мы впервые получили в руки научно обоснованный, разработанный во всех деталях с учетом всех факторов (экологических, мемориальных, социальных, нравственных) долгосрочный план дальнейшего развития. Он и предусматривает расширение нашей сферы влияния. Нам предстоит обжить жемчужину Пушкиногорья — озеро Белогулье с его островами (место удивительное по красоте), старинное городище Велье, пожалуй, самое оригинальное из окружающих Михайловское, еще одну усадьбу Ганнибалов в Воскресенском...

— Оправданно ли такое расширение?

— Почему нет, если есть силы обживать и содержать в хорошем состоянии? Пушкин эти места любил, бывал и на Белогулье, и в Велье, и Воскресенском... Потом, при растущем потоке паломников, который уже вот-вот перешагнет, а может, уже и перешагнул миллионный рубеж, надо думать и заботиться о непересекающихся маршрутах. В доме можно заменить изношенные полы (работа в несколько недель), а изношенную, загубленную природу не восстановишь и за десятилетия... И насколько в моих силах, я всячески способствую оправданному расширению границ заповедника.

Это уже не просто земля, способная каждый год рождать рожь, пшеницу, картофель, она возмужала вечную красоту — поэзию великого Пушкина. И имеет полное право на охрану... Таких мест на земле немного, не надо себя обманывать... И для нас они должны быть священны.

Беседу вел
Арсений ЛАРИОНОВ.

Михайловское.
Май 1984 г.

Николай СИЗОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

СХВАТКА С ОГНЕМ

1

Над полями и перелесками, над дальними гребнями Ракитинских лесов плыла колеблющаяся серовато-голубоватая дымка; в воздухе ощущалась терпко-едкая, смолянистая гарь. Стан галок, ворон и еще каких-то птиц с тревожными криками носились в затуманенном дымкой небе и жалась ближе к человеческому жилью.

Ракитинский лесной массив занимал почти треть Приозерских земель. Сосновые и еловые боры чередовались здесь с березовыми и дубовыми рощами. Много было и болот с ржавым мелколесьем. Заготовка леса, несколько крупных торфяных разработок вносили немалую лепту в экономику этого края.

Каменистая гряда, все ее звали Каменная, поросшая мощным смешанным лесом, делила Ракитинский массив как бы надвое — на западное и восточное урочища. Восточное, в основном занятое осинником, топами и болотами, уходило в края рязанские, соединяясь со знаменитой Мещерой. Западное же, с пологими спусками, глубокими оврагами, заросшее хвойными и лиственными породами, шло в сторону Ракитина, Дубков, к левобережью Славянки и далее к Приозерску.

На Бакшеевских торфоразработках, куда вскоре приехали Курганов, Гаранин и Мякотин, борьба с огнем шла уже второй день. По всей видимой границе поля рабочие торфопредприятий, колхозники и колхозницы, приехавшие из окрестных сел и деревень, корчевали лес, рыли траншеи, затем параллельно им из земли, дерна и корневищ возводили заградительные валы.

— А почему, собственно, отдельные участки ограждают? Нужна же сплошная преграда огню, — заметил Мякотин.

Во время этого разговора к ним подошел Макеев — начальник Бакшеевских торфоразработок.

— Вот критикуем вашу тактику, Василий Лукич, — здороваясь с Макеевым, проговорил Курганов.

Макеев коротко поздоровался с Кургановым и Гараниным, а на Рощина и Лепешкина, тоже подошедших было к ним, прикрикнул:

— Вы где должны быть? Пока бригады не расставьте, на глаза не показываться. Понятно?

Лепешкина и Рощина как ветром сдуло.

Макеев пояснил:

— Я их поставил на подъездных дорогах к полю. Там люди, машины подходят. Расставить по-хозяйски нужно. — И отвечая на замечание Мякотина, проговорил:

— Вы правы, Иван Петрович, сплошной обвод лучше, только пока сил маловато.

И как бы в подтверждение его слов на глазах у всех разыгралась молниеносная огненная пантомима.

На поле, только что отрезанном от леса довольно высокой насыпью, курилась дымная поземка — остаток уже побежденного огня. Но вдруг в воздух взмыл бурый смерч. Сквозь

Главы из второй книги романа «Трудные годы».

клубящуюся коричневую пыль в нем пламенел багрово-розовый огненный шар. Смерч, словно живой, подскочил к только что возведенному валу, пробежал по его кромке и перемхнул в лесной массив. Там сразу же вспыхнуло пламя.

Макеев объяснил:

— Это верховик пошел. А нередко сбитый огонь уходит вниз, под землю, и исподволь подбирается к нетронутым лесным участкам или торфяным залежам.

— Судя по всему, — Гаранин показал на сплошные пологи дыма, стелющегося над всеми видимыми глазу лесами и болотами, — пожар разрастается. Так ведь, товарищ Макеев?

— Самое главное — не дать огню перебраться с Бакшеевских полей к Сестрорецким выработкам — там караваны сухого торфа, лесозавод, подстанция да и поселок торфотреста недалеко.

— Так что же, будем предпринимать, что нужно, Василий Лукич? — хмурясь, спросил Курганов.

Макеев достал карту и, расстелив ее на поваленном дереве, стал показывать действующие очаги пожара, наиболее опасные направления, куда они могут распространиться. Жирным карандашом он обвел Бакшеевские и Сестрорецкие поля.

— Нужны люди, трактора, бульдозеры, экскаваторы, землечерпалки, хотя бы троечку ПМГ. Есть такие специальные машины. И как можно быстрее.

Курганов посмотрел на Мякотина и Гаранина.

— Технику надо брать везде, где она есть. А вот людей...

Гаранин ответил на это:

— Время-то, конечно, горячее, уборка всю пошла. Но что же делать? Придется целыми бригадами с полей снимать.

— Как считаете, Василий Лукич, — обратился Курганов к Макееву, — села и деревни Ракитинского куста не пора эвакуировать?

Макеев не очень уверенно проговорил:

— Ну, с эвакуацией, может, подождем? Если блокируем Бакшеевские поля...

Курганов не согласился:

— А если нет? Придется, Валерий Георгиевич, — повернулся он к Гаранину, — вам ехать в Ракитино, оттуда связываться с руководителями окрестных хозяйств. Пусть будут готовы... А Ивану Петровичу сразу же по возвращении в Приозерск...

Мякотин остановил его:

— Минуточку, Сергееч. Есть одно соображение. Я думаю, мне надо тут остаться. Огонь тушить.

Его поддержал Макеев:

— Действительно, Михаил Сергеевич, это было бы разумно.

Курганов посмотрел на Мякотина.

— Но там же, в Приозерске, идет мобилизация людей, техники, машин. Ты что, свой штаб в исполкоме оставишь без руководства? Иван Петрович задумался ненадолго.

— Понимаешь, Сергееч, тут дела неотложные. Пожар-то тушить надо. Вот мы с Макее-

вым и займемся этим. А в Приозерске? Ну, раз ты там будешь, без руководства никто не останется, — чуть шутливо закончил Мякотин.

Курганов не обратил внимания на его шутку.

— Ладно, договорились. — И сказал Макееву: — Технику, людей будем подсылать. Как, между прочим, с питанием? Народ придет в спешке, с собой вряд ли что возьмет.

Макеев замаялся:

— Наша столовая делает что может. Прямо на участки обеды возим. Но мощность ее маловата.

Курганов посмотрел на Мякотина.

— Пищеторгу задание дано?

— Дано-то дано, только на него-то я как раз меньше всего надеюсь. Надо офицерскому училищу и стекольному заводу задание дать. Походные кухни нужны. Термосов побольше.

Курганов усмехнулся:

— Ох, хитрован ты, Мякотин. Неизвестно, кому и где будет жарче, нам с Гараниным или тебе.

— Ничего, Сергееч, сочтемся славою, как сказал поэт. Вот жалко только, что спор мы наш не закончили.

— Закончим. Сначала давай пожар потушим.

...Спор между Кургановым и Мякотиним шел уже давно. Скорее это был даже не спор, а откровенный обмен мыслями, соображениями, замыслами и сомнениями. Разговор двух очень разных, но очень близких по духу людей.

Когда в конце пятидесят первого года Курганов приехал в Приозерск, его настороженно встретили многие, в том числе и Мякотин. Это, однако, мало озаботило Курганова. Он с головой окунулся в дела района — целыми днями мотался по колхозам, совхозам, МТС, встречался со многими людьми, советовался, спорил, внимательно выслушивал десятки мнений, искал пути, как поставить на ноги приозерские хозяйства. И эта неистовая приверженность делу сломала лед. Большая часть актива скоро втянулась в беспоконный, напряженный ритм жизни райкома и его первого секретаря, и, как однажды признался Мякотин, он тоже стал крутиться с большим числом оборотов.

Еще с молодых, комсомольских лет у Ивана Мякотина глубоко утвердилось простое и предельно ясное понимание своего долга — добросовестно делать то, что поручено. И этим простым, жизненным правилом он руководствовался всегда: и работая до войны на комсомольской и партийной работе, и шагая по военным дорогам, и вот уже не один год трудясь в Приозерских краях.

Был Мякотин несколько робковат, излишне стеснителен, неизменно добродушен во взаимоотношениях с людьми. И болезненно щепетил в делах материальных. Когда Курганов вскоре по приезде в район восстал против поборов с колхозов, Мякотин в тот же день пришел в райком с предложением «об отставке».

— Это почему же? — спросил удивленный Курганов.

— Да как я людям в глаза теперь глядеть буду?

— А так и будешь. Ты брал телку, проку-

пор — гусей, твои заместители — поросят. Так что же, теперь всем в отставку? Легко хотите отделаться. Нет, дорогие товарищи, горбом, горбом будете отрабатывать свои грехи.

Через два года после приезда Курганова в Приозерск проходил довольно шумный пленум райкома, обсуждавший ошибки райкома при укрупнении колхозов и сселении деревень. Второй секретарь райкома Удачин со своими единомышленниками открыто вели дело к снятию Курганова. Мякотин всех удивил тогда своим выступлением. Он заявил пленуму, что менять надо не первого секретаря райкома, не Курганова, а его основные подпорки — Удачина — раз, и председателя исполкома то есть его, Мякотина, — два. И менять немедленно.

Иван Петрович был предельно искренен в этом выступлении и долго недоумевал, почему пленум встретил его предложение как-то несерьезно — выкриками, шутками и... аплодисментами.

Потом Курганову стоило немалого труда встряхнуть Ивана Петровича, чтобы он вновь взялся за дела.

Как-то еще в первый год работы Курганова в Приозерске Удачин заметил:

— Ну что Мякотин? Не мыслитель. Звезд с неба не хватает.

Курганов после некоторого раздумья согласился:

— Насчет звезд не знаю. Но если Мякотин за что берется, можно быть уверенным — это будет сделано.

Простое, искреннее и неизменно уважительное отношение Курганова согревало душу и сердце Ивана Петровича. Эта немногословная, без лишнего словозлияний дружба была дорога обоим.

По шоссе к Ракитинским лесам шли тракторы, грейдеры, канавокопатели, бульдозеры. Спешили грузовые машины и автобусы с людьми. Стремительно, обгоняя всех, проследовала колонна военных грузовиков с выпускниками офицерской школы.

К вечеру с сиренами, синими мигающими огнями промчались пять больших ярко-крас-

ных пожарных машин, натужно ревя, прошли три трейлера, везшие на своих платформах несколько неуклюжих, слоноподобных ПМГ, специальных машин для корчевки леса. Это уже помогал приозерцам Ветлужск.

Схватка с огнем в Ракитинских лесах шла день и ночь.

Если бы Курганов, занятый сейчас мобилизацией всех и вся в Приозерске, увидел здесь Ивана Петровича Мякотина, он бы еще раз убедился и в организаторской хватке своего друга и в его неумной энергии.

Он появлялся то на одном, то на другом участке, кого-то хвалил, кого-то распекал, вскакивал на подножки машин и сам сопровождал их на наиболее опасные, охваченные огнем участки.

Людей и техники было уже немало, и требовалось разумно распорядиться всем этим, чтобы взять огонь в плен на всей площади пожара, локализовать очаги.

Было решено все Бакшеевские разработки окантовать сплошным ограждающим валом, а параллельно ему расчистить полосу шириной в двести — двести пятьдесят метров, чтобы преградить огню путь к прилегающим лесам и болотам. Задача была непростой, так как границы Бакшеевских полей тянулись по окрестности почти на тридцать километров.

На летучке бригадиров, начальников участков и руководителей приехавших коллективов Мякотин выразил неудовлетворенность ходом работ. Иван Петрович вместе с Макеевым объехали сегодня все очаги загорания, и основания для тревоги у него были. Кое-где чувствовалась растерянность, непонимание размера бедствия, упование на идущую в помощь технику. Потому-то Мякотин говорил на летучке отрывисто и резко.

— Так нельзя работать, товарищи. Здесь дорога каждая минута, а в некоторых бригадах дело ведется так, будто ничего не случилось, ни шатко ни валко, с прохладцей. Не подошли пока машины — подождем, попал бульдозер в завал — поглядим, как он выберется. Фронт, фронт надо вспомнить. И как окапывались и как заградительные укрепления строили. — Он помолчал и продолжал, все так

же хмурясь: — Техники и людей уже хватает, начинаем сооружать основные ограждения по границам Бакшеевских полей. Первыми пойдут бульдозеры, вслед за ними ПМГ. Это отличные машины, товарищи. Они, как вы уже видели, подминают под себя все сущее — деревья, кустарники, лни, грызут их с помощью специальных ножей. Перемолов все это, загоняют в землю. Вывернутый механизмами пласт свежей земли огонь раскалил не может. Здесь он останавливается. Так что эти «слоны», как тут их называли, нам очень помогут... В общем, за сегодня и завтра мы должны оконтурить Бакшеевские разработки целиком.

...С вертолета, хотя и с трудом из-за плотной завесы дыма, было видно, как по границам Бакшеевских полей сотни людей готовили путь корчевальным машинам, бульдозерам и тракторам, валя наиболее мощные деревья. Работы шли по всей будущей оградительной линии, и было все заметнее, как отдельные участки вала смыкаются в сплошную цепь, в широкое заградительное кольцо.

Из полета Мякотин вернулся довольный. А рация в штабном вездеходе уже настойчиво вызывала его к аппарату. Рощин нерано доложил Ивану Петровичу, что на пятом участке создалась опасная обстановка.

В территорию пятого участка входила полоса смешанного леса, обрамлявшая правую, северную сторону Бакшеевских и Сестрорецких торфяных полей. Она шла по приподнятой над торфяниками террасе, взбиралась на Каменную гряду, переваливала ее и соединялась с лесами пологого западного склона. Интенсивные очаги пожара от этого участка были относительно далеко, и было непонятно, что там могло случиться.

А положение здесь неожиданно создалось действительно опасное.

На окраине лесного массива, обрамлявшего Бакшеевское поле, дымилась земля, скручивались в трубки листья на березняке, жухла хвоя на соснах и елях. То одно, то другое дерево со стоном валилось на землю, словно кто-то невидимый подрубал его под корень. Было ясно, что огонь бушует внизу, не выходя из своих подземных лабиринтов.

— Давно заметили!—спросил Мякотин у Рошина, когда они с Макеевым с трудом добрались до участка.

— Час назад. Полагаю, что от одного из очагов огонь пробрался сюда по торфяным залежкам.

— Что будем делать, Макеич?

— Изолировать очаг, особенно от запада. Если по этой террасе огонь доберется до Каменной гряды, грош цена всей нашей суете. Сами знаете, это открытый выход огню на поля, на готовые к жатве хлеба, на села и деревни.

— Тогда давай по рации команду участкам. Пусть срочно шлют сюда людей и машины.

Через полчаса четыре бригады, переброшенные с других участков, спешно прокладывали через лесную террасу две широкие поперечные траншеи — одну с западной, другую с восточной стороны.

То, что Рошин вовремя забил тревогу, спасло положение. Глубокие, заполнившиеся водой рытвины и заградительные насыпи приостановили распространение огня, не дали ему выйти на Ракитинский край.

А рация в штабном вагоне подавала сигналы о новом, еще более опасном очаге — появлении огня на Сестрорецком поле.

Час назад над лесом и торфяниками повеял легкий юго-восточный ветер. Он частично разогнал удушливую гарь и дым, висевшие над всей территорией Бакшеевских полей. Усталые люди подставляли ветру закопченные, разгоряченные лица, он нес хоть какую-то освежающую прохладу. Но скоро он стал резким, порывистым, все чаще поднимал и взвизгивал воронки коричневых смерчей, в которых малиново алели клубы раскаленной торфяной массы.

Один из них с быстротой молнии перемахнул многометровую полосу отсеченного леса, разделив Бакшеевские и Сестрорецкие поля, и зажег сначала сухой и пожухлые травы на опушке леса, а затем перекинулся на расположенный вблизи караван торфа.

Мякотин и Макеев поспешили сюда. Караван уже тушили рабочие торфоучастка. Две пожарные машины пытались сбить огонь с огромной массивной туши каравана. Струи воды гасили тлеющее пламя в одном месте, а через секунду торф дымился уже в другом.

Но не этот караван, хотя в нем был итог труда сотен людей, заботил сейчас Мякотина и Макеева. Невдалеке сквозь редколесье виднелся лесозавод, обширный склад пиломатериалов. За ними была подстанция и чуть дальше — поселок. Если огню дать перейти на соседние караваны, то несдобровать ни этим сооружениям, ни жилому массиву.

— Решаем так, товарищ Макеев: бакшеевскую линию обвода будем тянуть сюда, хватывать и Сестрорецкое поле. Замыкающую траншею пока придется отставить, ее будем прокладывать за границей этого торфомассива.

Макеев проговорил озабоченно:

— Все верно, Иван Петрович. Только успеет ли?

— Другого выхода не вижу. Сейчас главное — блокировать этот караван. Поэтому садись за рацию, стягивай бригады. Перебрасывай автоцистерны с первого и второго участков. Возражения начальников участков в расчет не бери. И Лепешкина со всей его артелью перебрасывай сюда. У него наиболее опытный народ. Нельзя допустить, чтобы огонь добрался до соседних караванов. А я подскочу к телефону. Надо чрезвычайные меры принимать. Считаю, что воинские части подключать пора, да и москвичей надо просить помочь.

Решение, принятое Мякотиним и Макеевым, было правильным и единственным возможным. Скоро две подоспевшие автоцистерны держали в непрерывной дождевой сетке тлеющий караван, а несколько бригад с бульдозерами и землечерпалками прокладывали широкую траншею, отрезавшую караван от соседних торфяных великанов.

Но природа и нрав торфяных пожаров предельно коварны. Неожиданно из-под тлеющего каравана вырвалось несколько клубов огня, и они, подхваченные ветром, в считанные секунды оказались в массиве редколесья с левой стороны торфяного поля. Случилось именно то, чего больше всего опасались Мя-

котин и Макеев. Теперь огонь брал прямое направление на лесозавод, лесосклады, подстанцию.

Пришлось и сюда стягивать технику, бригады, подразделения пожарников. Предстояло локализовать ширившееся в лесном сухостое пламя, остановить его движение к строениям.

С большим углублением и удвоенной шириной траншея, насыпной вал земли высотой почти в три метра прокладывались поперек лесного массива в полукилометре от лесозавода и складов.

Мякотин после разговора с Кургановым вызвал к рации всех начальников участков, сообщил, какие дополнительные силы идут к ним на подмогу. Потом поспешил на Сестрорецкое поле. Дело здесь подвигалось медленно, лес был добротный, и машины и люди с трудом пробивались сквозь его заросли. Мякотин, проваливаясь в ямы и колдобины, кашляя от дыма и гары, направился к головной машине. Водитель в ней оказался один, без напарника.

— Почему один? Не положено так. А случись что? Видишь, что кругом делается?

Молодой вихрастый парень, орудуя рычагами, беспечно ответил:

— Плохо напарнику стало, в медпункт увезли. А другого-то пока нет. Все при деле.

— Приостанови на секунду, я помогу.—И Иван Петрович торопливо забрался в кабину.

— Как звать? Фамилия как?

— Филимонов. Виктор.

Мякотин зорко вглядывался в полосу стелющегося по лесу дыма и торопил бульдозериста:

— Быстрее, быстрее надо, Виктор, иначе опередит нас это чудовище. Видишь, между кустарниками дым клубится. Это значит, огонь силу набирает. И коль опередит нас, то грош цена будет и этой траншее и заградительному валу.

— Быстрее так быстрее,— ответил, орудуя рычагами, машинист, и мотор взвыл еще неистовее, и тяжелая машина, кажется, еще больше напрягла свои железные мускулы. Скрежеща и лязгая гусеницами, она медленно, но неудержимо продвигалась вперед, словно сплиски, ломая деревья, подминала под себя кусты, корни и валежник, превращая все это в бурое крошево.

Вслед за головным бульдозером шли другие машины и несколько бригад.

Опередить огонь они все же успели.

Скоро почти пятиметровый ров с высоким гребнем земли по правой бровке стремительной линией отсекал лесной участок с электроподстанцией и другими постройками и соединился с обширной болотистой ложбиной, наполненной темной хлюпающей водой.

— Теперь, сынок, развернись обратно, пойдем правой стороной,— облегченно вздохнув, проговорил Мякотин.— Вон эти змеинные языки надо в землю вбить и траншею на этом участке малость расширить. А меня потом вон у той ложбинки высади, надо посмотреть, как другие наши герои укрощают «красного петуха».

Но до ложбинки, где хотел выйти Мякотин, им добраться не удалось. На пути встало несколько довольно мощных сосен.

— Может, правее взять?— высказал предположение Мякотин.— Хотя там сосны не менее крупные.

— Ничего, думаю, прорвемся,— успокоил его бульдозерист.— А то будем мыкаться справа налево.

Машина с угрожающим ревом навалилась на стоявшие на пути деревья. Ее резко тряхнуло, на капот грохнулась поверженная ударом сосна, вершинкой своей попав между двумя столь же кряжистыми деревьями, стоящими в пяти или шести метрах в стороне. Водитель дал задний ход, но машина уперлась в пни и корневизца ранее сваленных сосен. Он попробовал бросить машину снова вперед, но сосна, лежащая на капоте, словно крепкий шлагбаум, загромождала путь. Бульдозер оказался в капкане. А в это время шипящий огненный язык, вырвавшийся из-под земли, стал стремительно выжигать окружающий подлесок, словно радуясь тому, что попали в беду те, кто хотел его уничтожить. Огонь быстро разрастался, подбираясь к машине, дым и гарь заполняли кабину.

— Если огонь дойдет до баков с соляжкой,

мы взлетим на воздух,— проговорил водитель.— Вы бы выбирались отсюда, товарищ Мякотин.

— Почему это я должен выбираться? Да и как? Мы с тобой как в клетке. Но давай без паники. Попробуй еще раз задний ход. Затем вновь вперед. И смелее, решительнее. Машина-то мощная.

Водитель бросал машину и вперед и назад, мотор ревел на предельных оборотах, но преграда была непреодолимой.

— Выключай мотор. Уходить надо,— решительно приказал Мякотин.

Бульдозерист открыл левую дверь, и в ту же секунду в кабину хлынула волна раскаленного, как в топке, воздуха и багрового от искр дыма. Парень успел захлопнуть дверь, но заряд огненного срада, видимо, обжег его легкие. Он закашлялся, лицо побледнело, покрылось крупными каплями пота. Парень стал задыхаться.

Приподнявшись, Иван Петрович посмотрел в лобовое и боковое стекла — огонь обложил машину со всех сторон и по упавшей сосне смеей подбирался к кабине.

«А ведь сгорим сейчас к чертовой матери»,— подумал Мякотин.

Эта мысль о возможном, а скорее всего неизбежном конце, о такой нелепой, случайной смерти заставила Мякотина лихорадочно искать выход. Правая дверь, около которой он сидел, была намертво зажата распластанными сучьями лежащей на капоте сосны и не открывалась. С трудом перегнувшись через рычаги, Мякотин стал осторожно открывать дверь со стороны водителя. Нового огненного удара не последовало. Иван Петрович уже смело открыл дверь и стал толкать, тормозить бульдозериста. Еще был шанс выбраться. Парень, однако, был почти без сознания. Петрович стал перебираться через него. Дышать было нечем, движениям мешала теснота. Как-как Мякотину все же удалось перелезть через водителя и втиснуться в полуоткрытую дверь. Он нащупал ногой подножку подъемной лесенки. Уцепившись левой рукой за кронштейн бортового фонаря, правой стал вытаскивать парня. И вытащил. Но удержать не смог, и оба они сорвались с подножки в дымную горящую хлябь. Она, словно в раздумье, держала их некоторое время на зыбком податливом дерне, потом развернулась, и последнее, что увидел Мякотин,— это задымленное небо и верхушки сосен с бурой, пожухлой хвоей.

В бригаде, что двигалась вслед за бульдозером, заметили неладное и бросились к машине. Бульдозер был пуст, а в дымящемся провале люди увидели Мякотина и машиниста. Оттуда полихало жаром. Но несколько человек без раздумий бросились в курящуюся яму и вытащили обоих. Филимонов еще подавал признаки жизни, Иван же Петрович был мертв. Старое, уставшее сердце отказало.

...На вертолетной площадке собрались спешно прилетевшие Курганов, Гаранин, Макеев, Рошин и еще несколько человек.

Курганов смотрел в безжизненное, обожженное лицо друга и не мог сдержать слез, да и не пытался это сделать. Он несколько раз повторял одну и ту же фразу:

— Петрович, Петрович! Что же ты наделал, дорогой, что же ты наделал!..

Смерть Мякотина отзывалась в его сердце острой, неуходящей болью, ощущением какой-то холодной, глухой пустоты, и Михаил Сергеевич знал, что это ощущение и эта боль останутся с ним надолго, если не навсегда.

Вертолет взвихрил опавшую листву и хвою, пригнул к земле лесной молодняк и, натужно поднимаясь вверх, взял курс на Приозерск.

Если бы Иван Петрович мог сейчас увидеть дело рук своих, он поределел бы. Широкие просеки, зияющие темной глубиной траншеи и высокий вал из черной-бурой земли обозначились уже явственно и зримо, и было видно, что вот-вот они сомкнутся по всей окружности Бакшеевских и Сестрорецких торфополей в единое кольцо, чтобы стать непреодолимой преградой разгуливавшей стихии.

...Через три дня пожары в Ракитинских лесах были локализованы и потушены. Только сраженная, сероватая дымка еще держалась над полями и перелесками, но скоро северо-западные ветры, пришедшие с Прибалтики, разогнали и ее. Они же принесли в Подмосковье затяжное ненастье.

ник» основан на полном согласии. О чем свидетельствовало категорическое заключение начальника отдела:

— Привезите новую справку, иначе не получите пенсии.

Пришлось Николаю Ивановичу проделать неблизкий путь из района Аэропорта в Сокольники с несколькими увлекательными пересадками, но справка, какая хотела упомянному триумвирату, он все-таки добыл, доставил и окончательно уладил свои денежные дела.

И они стали забываться, как вдруг на плечи Николая Ивановича свалилось новое благо: ему, бывшему фронтовику, дали бесплатную путевку в санаторий. Радостный явился он в путевочную контору и протянул в окошечко свои документы. После беглого просмотра документы ему вернули.

— А где же путевка? — спросил Николай Иванович.

— Так ее надо еще оплатить.

— Но она же бесплатная!

— Для вас да, но не для нас. Мы обязаны получить за нее денежки.

И тут же выяснилось, что Николай Иванович должен ехать на Зацепу, в собес, и привезти от него гарантийное письмо, и только тогда выдадут ему путевку. Бывший фронтовик едет в метро, толчется на троллейбусной остановке, трясется в трамвае и думает, мечтает. О чем?

О том, как некто за путевочным окошечком, получив документы Николая Ивановича, набирает номер телефона Зацепского собеса и говорит:

— У меня здесь Николай Иванович, Королев. Назовите, пожалуйста, номер гарантийного письма об оплате его путевки, и я сейчас вручу ее ветерану. Так, записал. Спасибо.

И протягивает Николаю Ивановичу документы вместе с путевкой:

— Отдыхайте на здоровье.

Но это только так думается, мечтается. А на самом деле пока еще самодельный письменный трясется в троллейбусе, то и дело проверяя, с ним ли зацепская гарантийная бумажка и не обронил ли он ее по дороге.

Кстати, когда пришла его очередь сходить, передняя дверца троллейбуса почему-то долго не открывалась. Хотя Николай Иванович давно еще сам видел и слышал по телевизору, что теперь выпускают троллейбусы нового типа, с тремя дверями, дабы пассажиры могли быстрее входить и сходить с него.

— Водитель, голубчик, откройте, пожалуйста, переднюю дверь, нам с дочкой надо обязательно сойти здесь! — взмолилась какая-то женщина впереди.

И голубчик снизошел, нажал на кнопку. Дверь открылась. Гражданка сказала водителю «спасибо», и Николай Иванович вслед за нею выскочил на асфальт.

Все, однако, обошлось благополучно: Николай Иванович получил путевку и отправился домой, но по дороге произошло с ним еще одно приключение. В витрине овощного магазина он увидел пучок зеленого лука и решил зайти.

Зайдя в магазин, Королев выбрал пучок посвежее, добавил связку моркови, две свеклы и поместил все в авоську, которая всегда наготове хранилась в его

кармане. Когда подошла его очередь, кассирша, молодая симпатичная женщина, сказала:

— Покажите сумку.

Николай Иванович с готовностью выложил содержимое авоськи на стол, где помещался кассовый аппарат.

— Не эту сумку покажите, а другую.

В другой руке пенсионер держал дерматиновую кошелку с бельем: собирался занести в прачечную, но не успел.

— А здесь вещи, не имеющие к вам никакого отношения.

— К нам все имеет отношение, — не меняя тембра голоса, возразила кассирша.

Пришлось демонстрировать перед молодой симпатичной женщиной сиреневые майки и клетчатые трусы. Но кассирша ничуть не смутилась.

— В порядке, — металлическим голосом сказала она. — Идите.

А у Николая Ивановича, когда он вышел из магазина, было далеко не все в порядке. Он вспомнил прошлое лето, как ехал с грибной охоты в электричке. И сидевшая рядом женщина сказала ему:

— Откройте вашу сумку, похвалитесь трофеями.

И Николай Иванович охотно открыл сумку и показал соседке и другим пассажирам тугие бортики, красноглазые подосновники, рыжие лисички. Вспомнил он и свое возвращение с дачного участка, но уже осенью, когда в сумке лежали не грибы, а сорванные с деревьев крутобокие ярко-красные яблоки.

— Какие красавцы! — говорили его спутники, пассажиры метро, заглядывая в сумку. — Сами вырастили?

Почему же тогда заглядывания в сумку посторонних людей не раздражали, даже радовали его, а сейчас равнодушно-свистящий взгляд кассирши так больно обжег душу? Почему? И с какой стати, описывая злоключения Николая Ивановича Королева, автор в самом начале изобразил его в таком мечтательно-грустном настроении?

И тут нужно рассказать короткую башкирскую притчу.

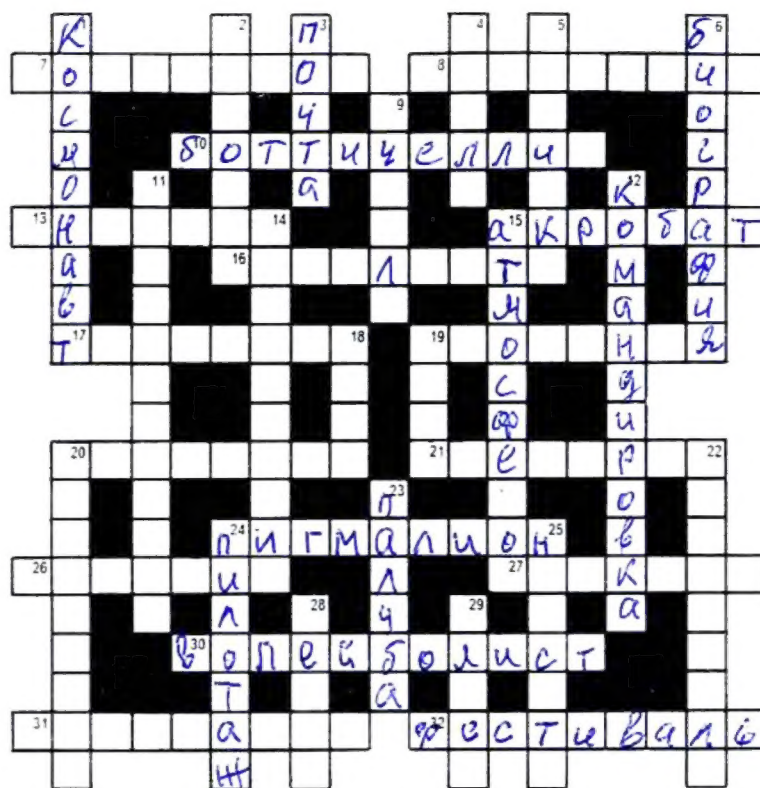
Жили-были в башкирском селе три старика. И о двух из них сельчане много и охотно говорили, а третий все время оставался в тени, как будто его и на свете не было. Обиделся старик и решил по-своему воздействовать на сельчан. Однажды вечером (а работал старик ночным сторожем) он перегорел центральную улицу села плетнем, устроил в середине калитку и запер ее на замок. Надо односельчанину в вечернее время пройти по улице, а не может. Ткнется в запертую калитку, молит:

— Дедушка Ибрай, отвори, пожалуйста!

Проворчит дед для порядка — откроет. А наутро односельчане, собравшись на автобусной остановке или у магазина, говорят о нем:

— А все-таки отзывчивый у нас дед Ибрай. Не бюрократ — идет навстречу человеку.

Таков он, современный двуединый страж и псевдоблаготель, стремящийся пристроиться к каждому доброму делу, чтобы своей сверхосторожностью, а иногда и тупостью портить нам настроение.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Народный артист СССР, выступавший на сцене Театра имени Вахтангова. 8. Право самостоятельного осуществления государственной власти, управления. 10. Итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения. 13. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 15. Архитектор цирка. 16. Музыкальный темп. 17. Безосколочное стекло. 19. Южная декоративная лиана. 20. Химик-органик, академик, лауреат Ленинской премии. 21. Административно-учебное управление университета. 23. Пьеса Д. Б. Шоу. 26. Мотив, напев. 27. Советский историк, академик. 30. Игрок, участник спортивной команды. 31. Главенствующая идея, принцип. 32. Массовое празднество, показ достижений в музыке, театре, кино.

По вертикали: 1. Пилот на безмоторном летательном аппарате. 2. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 3. Учреждение связи. 4. Латвийский живописец, народный художник СССР. 5. Герой гражданской войны, соратник Н. А. Щорса. 6. Жизнеописание. 9. Искусственная приманка для рыбы. 11. Горизонтальная часть оперения самолета. 12. Поездка со служебным поручением. 14. Процесс социалистического разделения труда, развития производственной кооперации. 15. Область повышенного давления в атмосфере. 18. Приток Десны. 19. Порт во Франции. 20. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 22. Областной центр на Украине. 23. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 24. Искусство управления самолетом. 25. Птица отряда сов. 28. Монета в Греции. 29. Флейта, распространенная в Молдавии и балканских странах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 1. «Салют». 4. Комбайнер. 6. Масштаб. 8. Завиток. 10. Тимпан. 11. Литраж. 13. Анаграмма. 14. Итана. 15. Кабул. 16. Лимонница. 18. «Илиада». 19. Бронза. 20. Торопец. 22. Астахов. 25. Оранжевая. 26. «Искра».

По вертикали: 1. Самара. 2. Лиана. 3. Туника. 4. Крушина. 5. Радиолла. 6. Мемуарист. 7. Берггольц. 8. Здравница. 9. Карабанов. 10. Тайти. 12. Желна. 16. Лагорио. 17. Абхазия. 21. Ергани. 23. Сварка. 24. «Рожок».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. Тропинин. А. С. Пушкин. 1827.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна в Пушкинском заповеднике. (См. в номере материалы, посвященные 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина.)

Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономике быта — 250-38-17; Познания — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 14.05.84. Подписано к печати 29.05.84. А 00378. Формат 70х108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1452. Заказ № 2686.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МГНОВЕНИЯ...

Пушкинская тема в рисунках Виталия Горяева

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

